

На правах рукописи

Ибнеева Гузель Вазыховна

**Формирование имперской политики России  
во второй половине XVIII в.:  
опыт политического взаимодействия  
Екатерины II и имперского пространства**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

**А в т о р е ф е р а т**  
**диссертации на соискание ученой степени**  
**доктора исторических наук**

Казань – 2007

Работа выполнена на кафедре отечественной истории до XX века  
Государственного образовательного учреждения высшего  
профессионального образования «Казанский государственный  
университет им. В.И.Ульянова-Ленина»  
Министерства образования и науки Российской Федерации

**Научный консультант:** доктор исторических наук, профессор  
Ермолаев Игорь Петрович

**Официальные оппоненты:** доктор исторических наук, профессор  
Комиссаренко Аркадий Иванович  
(Москва)

доктор исторических наук, профессор  
Введенский Ростислав Михайлович  
(Москва)

доктор исторических наук, доцент  
Циунчук Рустем Аркадьевич (Казань)

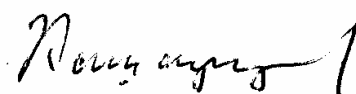
**Ведущая организация:** Российский государственный  
гуманитарный университет

Защита состоится «12» апреля 2007 г. в 10 часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.01 в Казанском государственном университете по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18, корп. 2, ауд. 1112.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета.

Автореферат разослан «03» марта 2007 г.

Ученый секретарь  
диссертационного совета



Р.Г.Кашафутдинов

## Общая характеристика работы

**Актуальность исследования.** Имперская политика российского государства второй половины XVIII в. представляет собой примечательное явление, характеризующееся своей многогранностью, сложностью и неоднозначностью. Политическая программа Екатерины II, направленная на модернизацию Российской империи в различных институциональных направлениях, неизбежно вела к изменениям в её имперском мышлении. Реформирование социальной структуры, системы местного управления привело к распространению новых учреждений на территории, имевших автономию, что способствовало окончательной интеграции российских окраин. В то же время реализация грандиозных внутри- и внешне-политических задач неизбежно должна была привести к качественно новым позитивным переменам в имперской политике российских государей. Под этим многозначным понятием подразумевается комплекс проблем, связанных с отношением верховной власти к различным аспектам функционирования российской державы. Среди них актуальными для нас являются:

1. Этноконфессиональные вопросы, отражающие политику власти по отношению к различным вероисповеданиям (старообрядчество, ислам).

2. Организация управления периферией российского государства. Интеграция гетерогенного в этнокультурном отношении имперского пространства в единый социально-политический организм (остзейские земли, казахские степи).

3. Создание эффективного режима взаимодействия центральной и периферийной элит.

4. Модернизация социальной структуры империи.

5. Обоснование имперской идеологии и практики (политики).

Исследователи, изучающие различные аспекты правительственной политики второй половины XVIII века, обращались непосредственно к законодательству этого периода. Вопрос о том, что являлось импульсом для его развития, зачастую выпадал из сферы их интересов. Одним из факторов, способствовавших утверждению новых принципов в законодательстве, явилось ознакомление императрицы с реалиями российского государства. Анализ многообразного комплекса источников позволяет рассмотреть различные аспекты влияния путешествий Екатерины II на развитие российского законодательства. В данном диссертационном сочинении выбран внутренний компонент имперской политики, представляющий объект самостоятельного изучения.

Одним из направлений имперской политики эпохи просвещенного абсолютизма является окончательная интеграция в состав Российской империи земель, имеющих автономию. Этим целям должны были служить систематизация, централизация и унификация управления государством, проведённые центральной властью в 60–80-е годы XVIII века. Для российской императрицы, не имеющей основательного знания о специфике привилегий прибалтийских провинций, было важно ознакомиться с их институ-

циональными особенностями. Путешествие в Остзейский край 1764 г. способствовало складыванию отношения власти к *привилегированным сословиям края*.

Оценивая имперскую политику Екатерины II, исследователи отмечали её некоторую двойственность. С одной стороны, были приняты акты, направленные на гомогенизацию этнополитического пространства империи (ликвидация украинской автономии, ограничение автономии балтийских провинций и т.д.). С другой стороны, данная тенденция не повлекла за собой притеснений народностей по этническому признаку. Действительно, в ходе встреч императрицы со старообрядческим населением, мусульманами Среднего Поволжья, складывалась *идеология этнокультурной терпимости*, одним из аспектов которой, является *конфессиональная толерантность*. В этот период «многонародность» Российской империи находила выражение в множественности этноконфессиональных групп, поэтому упрочение этого принципа выходило за рамки сферы религиозной жизни. На столетие вперёд закладывался новый принцип имперской политики, ставящий политическую лояльность выше этнического и религиозного единообразия. Изучение поездок императрицы позволяет рассмотреть механизмы формирования новых тенденций в правительственной политике по отношению к конфессиям, её мотивацию в изменении конфессиональной политики.

Путешествия Екатерины II отражали реалии расширяющейся полиэтнической державы. Поиск оптимального режима интеграции в общеимперский организм включаемых чужеродных социумов является важнейшей функцией империи. При этом центральной задачей для правительства становится организация его взаимодействия с *местными элитами*. Церемониальные приёмы представителей местных элит совершенствовали механизм взаимодействия с ними, закладывали принцип сотрудничества с этой иерархически важной частью интегрируемых сообществ, способствовали становлению взглядов российской императрицы на содержание имперских задач и пути их реализации.

В деле модернизации империи особое значение приобретает *реформирование социальной структуры общества*. Взаимодействие с населением Российской империи отражало сложность и неоднозначность проведения сословной политики. Поданные Екатерине челобитные от представителей различных сословий способствовали решению конкретных вопросов их жизнедеятельности. Ознакомление императрицы с проблемами *российских сословий* расширило её представление о способах и путях сословной модернизации общества.

Имперскую идею олицетворял образ правителя, который утверждался в монархическом ритуале, в том числе и в *церемониале путешествий*. Церемониал путешествий устанавливал пространство легитимации власти. Власть использовала символические ресурсы культурного пространства (религиозные, моральные, эстетические) для того, чтобы утвердить образ неограниченного правителя, проявить православную идентичность, а также представить образ «матери отечества».

Значимым аспектом данной проблемы является анализ участия дворянства в церемониале путешествий Екатерины II. Участие дворянства в церемониале означало разделение тех политических и культурных ценностей, которые несла в себе монархия; с другой стороны, оно отражало статусные идеалы господствующего сословия. Власть скрепляла империю и вовлечением различных сословий, народов в пространство императорского ритуала, который позволял устанавливать коммуникацию между правителем и подданными.

Важная роль в церемониале путешествий принадлежала православному духовенству: оно оттеняло православную составляющую образа императрицы. В этом смысле представляется значимым показать участие Екатерины в религиозных обрядах и её взаимодействие с духовенством. С другой стороны, рассмотрение привлечённого пласта хвалебной, проповеднической литературы позволит определить стратегии духовенства в утверждении легитимности власти Екатерины II.

Традиционная парадигма исследований по проблемам имперской политики второй половины XVIII столетия – законодательная. Исследователи чаще всего оперируют уже конечным результатом деятельности монарха – законом, указом, тем или иным распоряжением. Как правило, они отражают *общее* – государственную политику в этой сфере. Между тем, представляется актуальным изучение *особенного* – как формируется эта политика, под влиянием каких факторов происходит кристаллизация идей, определяющих вектор имперской идеологии. Обращение к комплексу делопроизводственной документации позволяет рассмотреть этот процесс. *Актуальность* данного исследования выражается в выявлении реальных механизмов складывания имперской политики.

*Объектом* диссертационной работы является функционирование Российской империи второй половины XVIII в.

*Предмет* диссертационного исследования составляет разработка конкретных направлений имперской политики в ходе путешествий Екатерины II.

*Хронологические рамки* работы охватывают 1762–1787 гг. В фокусе рассмотрения – следующие путешествия: в Троице-Сергиеву Лавру (17.10–18.10.2006), в Ростов (12.05–1.06.1763), в Остзейский край (20.06–25.07.1764), по Волге (2.05–15.06.1767), в Москву (16.01.–23.12.1775), в Белоруссию (9.05–17.06.1780), в Вышний Волочек (24.05–19.06.1785), в Южную Россию (7.01–11.07.1787).

Первые поездки Екатерины, носящие характер паломничества, приходится на начало её царствования, когда необходимо было укрепить свои позиции на престоле, заручиться поддержкой духовенства и широких кругов дворянства. Верхняя граница включает в себе последнее путешествие в Южную Россию, отразившее различные проблемы имперской политики второй половины XVIII в.: обращение взгляда императрицы на полиэтничное пространство Новороссии и Крыма; вопрос о веротерпимости; сотрудничество власти с местными элитами; аспекты сословного развития и т.д.

**Целью исследования** является рассмотрение процесса формирования основных направлений имперской политики Екатерины II в ходе её ознакомления со страной и нашедших своё отражение в законодательстве.

Опираясь на многообразный комплекс источников, исследование ставит *задачи* изучить:

- исторический контекст ознакомления Екатерины II со страной;
- эффективность воздействия на социально-экономическое и политическое положение Остзейского края в ходе её путешествия;
- формирование политики этнокультурной терпимости, вызванной взаимодействием императрицы с представителями различных конфессий;
- характер взаимодействия власти и местных элит;
- восприятие императрицей сословных нужд и их отражение в законодательстве;
- церемониал путешествий, выявляющий формы легитимации самодержавной власти.

**Методологическая основа исследования.** Поставленные в исследовании задачи потребовали использования различных *методов и подходов* к анализу источников, обращения к современному опыту не только исторических, но и политологических, социологических, антропологических, литературоведческих исследований.

В целом, исследование проведено на **компаративном** методе. Документы, отразившие факты, придавшие импульс законодательной инициативе Екатерины II, сопоставляются с источниками, проявляющие реализацию данного импульса – дальнейшей разработки закона. При воссоздании социального фона возникновения источников актуальным явился метод **исторической реконструкции**. Рассмотрение понятий предполагало применение **концептного** анализа. **Семиотический** подход осуществлён при анализе церемониала путешествий российской монархини, при анализе приветственных речей духовенства, кантов, од. **Микроисторический** метод, способный выявить интенции индивидуального поведения, реализуется при анализе документов личного происхождения.

*Научная новизна* диссертационного исследования определяется рядом составляющих.

Во-первых, различные аспекты имперской политики рассматривались ранее исключительно на основе законодательных источников. Вне внимания исследователей находился сам процесс формирования данной политики. В данном же диссертационном сочинении внимание фокусируется на проблемах складывания, созревания и утверждения принципов, определяющих вектор имперской идеологии России второй половины XVIII в.

Во-вторых, в исследовательское сочинение вводится большой корпус делопроизводственной документации. Автором проанализированы архивные комплексы, хранящиеся как в центральных (Москвы и Петербурга) и региональных архивах (Казани), так и архивах ближнего (Латвия, Украина) и дальнего зарубежья (Марбург, ФРГ). В работе удалось собрать и рассмотреть источники, выявленные в 11 архивохранилищах и 8 отделах ру-

копией научных библиотек и музеев, причём значительная их часть вводится в научный оборот впервые. В ходе исследовательского поиска были выявлены и комплексы документов личного происхождения.

В-третьих, в работе поднята инновационная проблема церемониала путешествий Екатерины II. В работе показана не только семиотика церемониала, т.е. какие символические ресурсы использовала власть в деле утверждения своего императорского образа, но и восприятие населением этого «имиджа» Екатерины. К анализу этих вопросов были привлечены источники, которые не были в объекте изучения историков, – проповеди, хвалебные слова на приезд императрицы, являющиеся важным средством легитимации власти. Была выработана методика работы с данным источником.

Наконец, в диссертационной работе осуществлён синтез традиционных и инновационных методов исследования, о которых говорилось выше.

Обусловленность поставленных проблем новыми эпистемиологическими направлениями, интерес к механизмам формирования имперской политики государства в момент реализации геополитических задач, модернизации социальной организации, оформления российского общества, необходимость введения в оборот новых массивов исторических источников, прежде всего, делопроизводственных – придаёт теме диссертационного исследования очевидную *новизну* и обращение к ней представляется назревшим.

**Практическая значимость диссертации.** Основные положения и выводы диссертации могут быть использованы при подготовке обобщающих трудов и учебных пособий по истории России. Данные, полученные в ходе исследования, можно использовать при разработке и преподавании курсов и специальных курсов по истории Российской империи, по конфессиональной политике.

**Апробация работы.** Основные положения и результаты исследования отражены в выступлениях на кафедре отечественной истории до XX века Казанского государственного университета, на конференциях и семинарах в России, Германии, Эстонии, Венгрии, США. Основное содержание исследования представлено в публикациях автора, в том числе в монографии и статьях по теме диссертации.

**Структура диссертационного сочинения** построена по проблемному принципу, что позволяет выделить формирование различных аспектов имперской политики в ходе путешествий Екатерины II. Работа состоит из введения, семи глав, заключения, списка источников и литературы, приложения.

## Основное содержание диссертации

Во **введении** обосновывается выбор темы и её актуальность, определяются объект, предмет и хронологические рамки исследования, сформулированы цель и задачи исследования, обозначены его методологические основы, научная новизна и практическая значимость.

В первой главе «**Источники и историография**» представлен анализ источников и историография проблемы.

§ 1. *Источники.* В результате проведения исследования сформировался корпус источников, включивший следующие виды документов: делопроизводственная документация; актово-законодательный материал; проповедническая литература; источники личного происхождения; публицистика.

Важный для нас комплекс **делопроизводственных источников и официальной переписки** был обнаружен в центральных архивохранилищах Москвы, Петербурга, Риги, Киева, Марбурга. Материалы государственных учреждений позволяют провести анализ новых тенденций в конфессиональной политике 2-й половины XVIII в. В Синодальном Архиве **Российского государственного исторического архива** (РГИА, Ф.796) выявлены дела, возникновение которых было инициировано жалобами раскольников на местное духовенство в 1767 г.

Документы, сохранившиеся в протоколах Синода, дают возможность определить положение мусульманского населения г. Казани. Эти источники отражают просьбы татар относительно строительства мечетей, а также позволяют рассмотреть законодательную основу устного разрешения Екатерины строить мечети. Протоколы Синода содержат доношения и копии доношений казанского архиепископа Вениамина 1768 г. и 1771 г., а также переписку Сената и Синода 1773 г., освещающие процесс подготовки указа «О терпимости всех вероисповеданий» 1773 г.

Другим ценным источником являются *протоколы Сената*, в которых отложились вручённые Екатерине *челобитные крепостных, дворовых, сокольих помытчиков* (**Российский государственный архив древних актов** [РГАДА, Ф.248]). Протоколы делают возможным понять логику создания того или иного указа, реконструировать восприятие власти сословных нужд населения.

Отдельный блок *челобитных* связан с проблемами *купечества*. Среди них – челобитные купцов, поданные императрице в ходе её высочайших поездок – купечества Ярославля, Пскова, Опочки (РГАДА, Ф.248). Они отражают проблемные аспекты бытия этого сословия. Этот комплекс источников определяют результативность вмешательства власти в вопросы жизнедеятельности купеческого сословия.

При изучении различных аспектов имперской политики Екатерины, выявляемых в срезе императорских путешествий, автором анализировалась документация неправительственных учреждений, а именно материалы корпоративных сословных учреждений. Важным вопросом изучения проблемы является рассмотрение *источниковой основы деятельности Лифляндского ландтага 1765 г.* Материалы ландтага 1765 г. хранятся в фонде внешнего архива Городского Совета (г.Рига) **государственного исторического архива Латвии** (LVVA, Ф.673). Они содержат протоколы заседаний ландтага, в которых фиксировались мнения выступающих по проблемам крепостного права в Лифляндии. Протоколы включают в себя приложения, в которых отложились



проекты барона Шульца фон Ашерадена, распоряжения Броуна об открытии ландтага, патенты ландтага от 12 апреля 1765 г. Изучение протоколов ландтага, зафиксированных на немецком языке в скорописи, безусловно, представляло определённую сложность для восприятия. Тексты изобилуют латинизмами и галлицизмами. Нами проводилась работа как с оригиналами материалов этого форума, так и с фотокопиями, которые хранятся в Марбурге – собрании документов института И.Г.Гердера.

Модели поведения российского дворянства в деле подготовки встречи императрицы позволяют представить *материалы губернских и уездных дворянских собраний*. Выявлен комплекс источников по Харьковскому наместничеству и Изюмскому уезду Харьковской губернии, который находится в фондах **Центрального державного исторического архива Украины** (ЦДИАУ, Ф.1926). В этих документах сохранились решения губернского и уездного Изюмского дворянских собраний, представления предводителя дворянства Изюмского округа Н.Р.Шидловского Харьковскому дворянскому собранию, и т.д.

*Материалы Киево-Печерской Лавры*, которые отложились в ЦДИАУ (Ф.128), а также документы, находящиеся в фондах **Института рукописей научной библиотеки им. В.И.Вернадского** (ИР НБУВ, Ф.230) г. Киева, позволяют рассмотреть стратегии поведения духовенства в момент подготовки и встречи императрицы.

Как вид делопроизводственной документации предстает официальная переписка, в частности, *Екатерины II с различными государственными деятелями*, А.В.Олсуфьевым, Н.И.Паниным, И.И.Бецким и др. Она свидетельствовала о восприятии императрицей увиденных реалий и отражала её позитивное впечатление от коммуникации с представителями различных этнических, конфессиональных общностей.

*Донесения губернаторов и генерал-губернаторов императрице Екатерине II*, а также к наиболее приближенным её лицам, статс-секретарям и А.А.Безбородко характеризуют различные аспекты жизнедеятельности губерний, через которые проезжал «императорский поезд». Донесения лифляндского губернатора Ю.Ю.Броуна, казанского губернатора А.Н.Квашнина-Самарина, малороссийского генерал-губернатора П.А.Румянцева-Задунайского, екатеринославского и таврического наместника Г.А.Потемкина-Таврического и других, содержат информацию о состоянии губерний, о положении конфессий; об особенностях проведения имперской политики на окраинах страны, о методах сотрудничества с местными элитами, о принципах конфессиональной политики в этих областях. В подавляющем большинстве эти документы не опубликованы; они отложились в РГАДА (Ф.16).

Особую разновидность этой подгруппы документов составляет *переписка губернаторов с различными государственными деятелями*, связанная с их распоряжениями по поводу встречи императрицы: Среди них – переписка Ю.Ю.Броуна с должностными лицами лифляндского рыцарства – Ф.В. фон Паткулем, И.С.Кампенгаузом (LVVA, Ф.214). Усилия бюро-

кратии в деле подготовки к встрече Екатерины в Киеве в 1787 г. представлены в распоряжениях П.А.Румянцева и Киевского наместнического правления (РГАДА, ЦДИАУ). Большая часть этих источников впервые введена в научный оборот.

Для воссоздания исторического контекста путешествий императрицы широко привлекались *официальные журналы*. Камер-фурьерские журналы дают возможность представить фактический ряд поездок Екатерины.

Выяснение влияния путешествий Екатерины на процесс принятия указов по различным проблемам имперского строительства, предполагало обращение к комплексу **актово-законодательных материалов**.

Обширный комплекс законодательных источников, отражающий различные аспекты формирования имперской политики государства, был опубликован в *Полном собрании законов Российской империи*. Данное собрание документов зримо свидетельствует об эффективности ознакомления власти со страной. Это – указы, связанные с комплексом прав прибалтийских сословий на торговую и фискальную самостоятельность; указы, определяющие статус конфессий, характеризующие основы религиозной политики, формулирующие отношение правительства к жизнедеятельности различных этнических общностей (крымским татарам, киргиз-кайсакам); указы Екатерины, направленные на улучшение социально-экономического положения сословий.

Представляют интерес *сборники законодательных материалов*, составленных по ведомственному признаку, например – «Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи». В них опубликованы указы верховной власти, прописывающие должные нормы поведения православному духовенству в отношении старообрядческого сообщества.

Отдельный вид данной группы источников образуют написанные Екатериной II рескрипты, повеления, распоряжения как различным ведомствам, так и отдельным лицам. Изучение путешествий императрицы предполагало рассмотрение её распоряжений губернаторам, а впоследствии и генерал-губернаторам – Ю.Ю.Броуну, П.А.Румянцеву, Г.А.Потемкину о целях путешествий, подготовке встречи императрицы и т.д.

Важным комплексом источников является корреспонденция Екатерины с должностными лицами, возглавляющими центральные государственные учреждения, и имеющая силу монархических повелений. Письма к генерал-прокурору Сената А.А.Вяземскому свидетельствуют о характере предписываемых ею действий по отношению к крепостному крестьянству, рекомендации по устранению конфликтов, наблюдаемых в городской общине Ярославля и дворянского общества в Казани в 1767 г. Повеления Екатерины II высшим духовным лицам, руководству Синода показывают сложность и противоречивость становления её политики по отношению к конфессиям.

Картину восприятия имперских реалий Екатериной II невозможно реконструировать без **документов личного происхождения**. Анализ эпистолярного наследия сводился к определению информативности текстов, вы-

деления проблемных полей (тем), возникающих во время путешествий. На следующем этапе учитывались оценочные суждения автора о том или ином объекте рассмотрения. Данным суждениям, в которых отражалось субъективное настроение автора, давалась характеристика (критика).

*Письма Екатерины* к Павлу и Марии Федоровне, В.А.Брюсу, П.С.Салтыкову, к её иностранным корреспондентам – барону Вольтеру, Гримму отражали текущую действительность в благостном свете, сохраняя эмоциональную свежесть восприятия. Эпистолярное наследие иностранцев существенно дополняет источники российского происхождения. Иностранцы с большей живостью и откровенностью писали о происходящем, чем российские авторы. Однако, при анализе их писем и мемуаров следует принимать во внимание позицию интеллектуального превосходства Запада над Востоком, проявляемую европейцами, и воспроизводившую отношения господства и подчинения.

К данной группе относятся воспоминания, записки современников Екатерины II, являющихся свидетелями её путешествий по стране. Сравнительный анализ внутривидовых документов показывает, что путешествие Екатерины было и средством легитимации императорской власти. Записки Г.И.Добрынина, Е.Ф.Комаровского, Л.Н.Энгельгардта, Ф.П.Лубяновского выстраивают уровни легитимности власти, которая утверждалась в ходе путешествий Екатерины II.

Изучаемая нами проблема позволяет привести весь спектр дневников второй половины XVIII в. Крайне немногочисленны дневниковые записи, освещающие пребывание императрицы в Остзейском крае – М. фон Видау (LVVA, Ф.673), бургомистра г. Ревеля Г.И.Мюлена и конректора ревельской гимназии Г.Б.Хесслера. Они отразили восприятие населением монархии как «милостивой», как *своей* государыни. Дневники по более поздним путешествиям позволяют рассмотреть процесс формирования имперской идеологии Екатерины, верифицировать информацию по вопросу складывания политики этноконфессиональной терпимости (дневники В.Г.Орлова, А.В.Храповицкого Ф. де Миранда и др.). Ярким источником, живописующим дворянский социум в ожидании приезда Екатерины, является настольный адрес-календарь на 1787 г. П.А.Болотова, хранящийся в **Отделе рукописей Российской национальной библиотеки** (ОР РНБ, Ф.608).

К анализу поставленных проблем была привлечена запись **устных источников** – «*Пребывание императрицы Екатерины II в Казани в 1767 году*», записанного со слов Нижегородского губернатора Я.Аршеневского (**Рукописный отдел Института русской литературы**); предания Тульского края, отразившие пребывание императрицы в Туле в 1787 г. Данные источники освещают различные аспекты путешествий Екатерины: взаимодействие с губернаторами, взаимоотношения чиновников и окружения государыни, восприятие дворянского общества образа императрицы и т.д.

Важными для нас явились источники, которые входят в группу **публицистических произведений**. При реконструкции аграрных особенностей Остзейского края, мнения барона Шульца фон Ашерадена на ландтаге

1765 г. анализировались его проекты, а также сочинения пастора И.Г.Эйзена. Среди данной группы источников выделяется записка Екатерины «История о болгарях», показывающая, на что было обращено внимание императрицы в путешествии по Волге; чем был вызван интерес к материальной культуре истории татарского народа?

В объекте специального изучения – *речи, слова духовных лиц, сказанные на проезд Екатерины*. Сравнительный анализ данных текстов церкви позволил определить конструирование различных составляющих легитимности императрицы. В работе анализировались также речи и оды, написанные и произнесённые молодым теологом, будущим философом И.Г.Гердером в Риге в 1765 г.

Таким образом, оснащённость темы солидным корпусом источников, отражающим различные аспекты имперской политики Екатерины, позволила сформировать необходимую источниковую основу для проведения исследования.

§ 2. *Историография*. Специфика поставленной проблемы, выявляющей многообразие различных аспектов имперской политики, предопределила обращение к различным историографическим пластам, что обусловило её большую фрагментарность и дробность.

Научное изучение **истории путешествий Екатерины II** начинается приблизительно с середины XIX века. Серьёзный подход к изучению поездок Екатерины II был сделан С.М.Соловьёвым, уделившего достаточное внимание пространству монархического ритуала. Не проходил он и мимо проблемных ситуаций, которые царица имела возможность наблюдать. Введённые в научный оборот источники не нашли ещё глубокого осмысления в «Истории России с древнейших времен». Здесь представлено лишь фактическое изложение доступного исследователю материала<sup>1</sup>. В работах А.Г.Брикнера<sup>2</sup>, В.А.Бильбасова<sup>3</sup> рассматривались внешне- и внутривнутриполитические аспекты путешествий Екатерины II. Однако, они оперировали преимущественно опубликованными документами. Представив картину путешествий Екатерины, в основном в описательном ключе, вышеназванные авторы не дали концептуальных обобщений, и осмысления того, какое значение имели эти поездки в плане скрепления империи, в плане формирования имперской политики.

---

<sup>1</sup> Соловьёв С.М. История России с древнейших времен: в 15 кн. М., 1965. Кн. 13. С. 315–316, 321–322; Кн. 14. С. 49–54.

<sup>2</sup> Брикнер А.Г. Путешествие императрицы Екатерины II в полуденный край России // ЖМНП. 1872. Т. 162. Ч. 2. С. 1–51; Он же. Путешествие императрицы Екатерины II в Вышний Волочок и Москву в 1785 г. // ИВ. 1881. Т. 6, № 12. С. 681–702; Он же. Путешествие императрицы Екатерины II в Могилев в 1780 г. // РВ. 1881. Т. 154, № 8. С. 471–479, 493–507; Т. 155, № 9. С. 315–335, 349–350; Он же. Путешествие Екатерины II в Прибалтийский край // Новь. 1885. Т. 6, № 21–22. С. 2–16, 151–165; Он же. Путешествие императрицы Екатерины II в Крым // ИВ. 1885. Т. 21, № 7–9. С. 5–23, 243–264, 444–509.

<sup>3</sup> Бильбасов В.А. Походы Екатерины II по Волге и Днепру // РС. 1896. Т. 88. С. 423–445.

В середине – второй половине XIX в. издаются труды краеведов о пребывании российской императрицы в тех или иных городах и местностях<sup>4</sup>. Подобные сюжеты появляются и в различного рода изданиях, посвящённых истории городов<sup>5</sup>. Ценность исследований этого периода заключается в том, что многие из них были основаны на местных архивных материалах, что существенно дополнило историю поездок императрицы<sup>6</sup>. В целом, следует отметить, что в работах отечественных историков XIX – начала XX столетия был накоплен фактический материал. Однако, исследователи не показали значимость этих путешествий в плане их влияния на дальнейшую законодательскую деятельность власти, на складывание имперской политики Екатерины II.

Поездки Екатерины по стране долгое время не находили отражения в отечественной историографии советского периода, поскольку эпоха её царствования не была в объекте пристального внимания историков. Изучение истории России второй половины XVIII в. продолжалось преимущественно в социально-экономическом ключе. Вместе с тем, в работах Е.М.Дружининой<sup>7</sup>, А.М.Панченко<sup>8</sup> анализировались причины появления понятия «потемкинские деревни».

Гораздо меньше освещены в исследовательской литературе проблемы взаимодействия Екатерины с представителями различных конфессий, народностей, местных элит. Мало исследован вопрос о значимости императорских путешествий в деле развития сословной политики.

Проблема формирования имперской политики в контексте путешествий Екатерины II была отчасти поставлена в труде И. де Мадариаги «Россия в эпоху Екатерины Великой», в котором были отражены фискальные резоны

---

<sup>4</sup> Барышников Н. Императрица Екатерина II в Орловской губернии. Орел, 1886; Зенгбуш В. Что сделала Екатерина II для Твери? // Сборник Тверского общества любителей истории, археологии и естествознания. Вып.1. Тверь, 1903. С. 48–55; Шпилевский С.М. Путешествие императрицы по Волге. Казань, 1873; Есипов Г.В. Путешествие императрицы Екатерины в Южную Россию в 1787 г. // Киевская старина. 1890. Т. 31, № 11. С. 175–194; № 12. С. 391–411; 1891. Т. 32, № 1. С. 98–118; № 2. С. 215–231; № 3. С. 402–421; Т.33, № 4. С. 68–81; № 5. С. 244–258; № 7; Т. 34, № 7. С. 22–52; № 8. С. 237–253; № 9. С. 407–426; Т. 35, № 11. С. 232–245; № 12. С. 361–383; 1892. Т. 36, № 2. С. 295–306; № 3. С. 458–477; Т. 37, № 5. С. 225–230.

<sup>5</sup> Козловский А. Взгляд на историю Костромы. М., 1840; Агафонов Н.Я. Екатерина в Казани // Агафонов Н.Я. Из Казанской истории. Казань, 1906. С. 201–204; Загоскин Н.П. Екатерина II в Казани // Загоскин Н.П. Спутник по Казани. Казань, 1895. С. 194–198; Пинегин М. Посещение императрицею Екатериною II города Казани // Пинегин М. Казань в ее прошлом и настоящем. Казань, 1890. С. 196–203; История города Харькова за 250 лет его существования (с 1655 г. по 1905 г.). Историческая монография проф. Д.И.Багалея и Д.П.Миллера. Харьков, 1905. Т. 1 (XVII–XVIII). С. 117–199.

<sup>6</sup> Добровольский П.М. Путешествие императрицы через Черниговский край (по делам черниговских архивов). Чернигов, 1903; Сапунов А.П. Пребывание Екатерины II в Полоцке // Полоцко-Витебская старина. Витебск, 1916. Вып. 3. С. 55–63.

<sup>7</sup> Дружинина Е.М. Северное Причерноморье в 1775–1880 годах. М., 1959. С. 27.

<sup>8</sup> Панченко А.М. «Потемкинские деревни» как культурный миф // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 4. С. 685–700.

центрального правительства для вмешательства в дела прибалтийских провинций<sup>9</sup>.

В конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. в российской исторической науке возрождается интерес к личности Екатерины II. Демократизация общественной жизни, «реабилитация» российских монархов в глазах российского общества привели к появлению работ об императрице Екатерине II. Появившиеся труды А.Б.Каменского<sup>10</sup>, О.А.Омельченко<sup>11</sup> отразили многогранность её политической деятельности. В трудах биографического жанра (Н.И.Павленко<sup>12</sup> и американского исследователя Д.Александр<sup>13</sup>) появляются суждения о том, что путешествия Екатерины II были нечто большим, чем просто церемониальная прогулка по стране. Павленко поставил проблему поездок Екатерины как типа путешествия просвещенного монарха. Д.Александр в своей монографии отразил факты, опровергающие концепцию ряда исследователей о представлении императрице местными чиновниками лишь благостной картины существования империи.

В последнее время интерес к императорским путешествиям возрос. Данной проблематике была посвящена кандидатская диссертация Н.В.Бессарабовой, на основе которой была опубликована монография<sup>14</sup>. Автор уделила большое внимание вопросам организации, инфраструктуры путешествий, административным сюжетам, анализу мифа «о потемкинских деревнях». Н.В.Бессарабова проделала значительную работу по выявлению архивных источников. Однако определение глобальной задачи изучения внутриполитического, и внешнеполитического аспектов путешествий стало препятствием для более цельного рассмотрения проблем внутренней политики, формулирования концептуальных положений. В целом, проблема изучения складывания имперской политики (имеется в виду её внутренний аспект) в различных её направлениях, в срезе императорских путешествий в этой работе не ставится. При рассмотрении поставленных вопросов, вне внимания исследователя осталось путешествие Екатерины II в Остзейский край в 1764 г. По-сути, источниковый комплекс и его анализ по данной поездке императрицы отсутствует.

В целом основной интерес исследователей обращён на законодательную деятельность Екатерины II и менее исследуются вопросы складывания и реализации политики в тех или иных областях её деятельности.

---

<sup>9</sup> Madariaga I. de. Russia in the age of Catherine the Great. New Haven ; London, 1981. P. 64; Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 118.

<sup>10</sup> Каменский А.Б. «Под сению Екатерины...». Вторая половина XVIII века. Спб., 1992; Он же. Жизнь и судьба императрицы Екатерины II. М., 1997; Он же. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М., 1999.

<sup>11</sup> Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины II. М., 1993.

<sup>12</sup> Павленко Н.И. Екатерина Великая. М., 2003. С. 216, 220, 225–226.

<sup>13</sup> Alexander J.T. Catherine the Great: Life and Legend. N.Y.; Oxford, 1989. P. 110.

<sup>14</sup> Бессарабова Н.В. Путешествия Екатерины II по России в контексте внутренней и внешней политики (1763–1767, 1780–1787 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2003; Она же. Путешествия Екатерины II по России. М., 2005.

Другим объектом изучения являются работы, рассматривающие вояжи венценосных особ в срезе «культурных практик», *монархического ритуала*. Наиболее яркой среди работ данного ряда является монография Р. Уортмана «Сценарии власти». Полидисциплинарные подходы, реализованные в данной монографии, важны в плане понимания политической природы монархии, поскольку одним из аспектов рассматриваемой нами проблемы является коммуникативное пространство церемониала путешествий Екатерины. С одной стороны, историк актуализировал необходимость изучения символических ресурсов, которые использовала власть в деле утверждения императорского образа, а с другой – обратил внимание на процесс взаимодействия монарха и населения.

Исследование проблем, поставленных в диссертационном сочинении, повлекло за собой изучение различных аспектов **имперской политики Российского государства** (остзейский вопрос, религиозная политика Екатерины, отношение к народностям, локальным элитам, колонистам) **в историографии**.

Выявление причин, заставивших императрицу осуществить путешествие в Прибалтику, потребовало ознакомления с литературой, посвященной *положению прибалтийских земель во второй половине XVIII века и привилегированных сословий этого края*. Проблема особого статуса Лифляндии и Эстляндии, а также привилегий остзейских сословий была центральной в трудах Ю. Экардта<sup>15</sup>, латышского историка советского периода Я. Я. Зутиса<sup>16</sup>, современного эстонского исследователя М. Лаура<sup>17</sup>. Касаясь поездки Екатерины в Остзейский край, исследователи отмечали важное последствие этого посещения: решение верховной власти о необходимости окончательной интеграции Остзейских губерний в состав Российской империи.

Вопрос о складывании политики Екатерины II к сословиям во время её пребывания в Лифляндии и Эстляндии, проявившимся в ограничении торговых и фискальных прав городских сословий, был поставлен в работах Г. Заке и монографии современного исследователя К. Шарфа<sup>18</sup>. Изучение этих проблем предопределило также внимание к исследованиям, посвященных истории городов и городского управления Остзейского края<sup>19</sup>. Статус остзейского

<sup>15</sup> Eckardt J. Die baltischen Provinzen Rußlands. Leipzig., 1869; Eckardt J. Livland im achtzehnten Jahrhundert. Leipzig, 1876.

<sup>16</sup> Зутис Я. Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига, 1946.

<sup>17</sup> Лаур М. Я. Управление Прибалтийскими губерниями в период «просвещенного абсолютизма» (1762–1769): дис. ... канд. ист. наук. Тарту, 1987; Laur M. Der Aufgeklärte Absolutismus der Kaiserin Katharina II im Baltikum // Narva und die Ostseeregion / Hrsg. K. Brüggemann. Narva, 2004. S. 185–192.

<sup>18</sup> Sacke G. Livländische Politik Katharinas II. // Quellen und Forschungen zur Baltischen Geschichte. Riga, 1944. H. 5. S. 51–54; Scharf C. Katharina II., Deutschland und die Deutschen. Mainz, 1996. S. 175.

<sup>19</sup> Bucholtz A. Zur Geschichte des Rigaschen Rathauses // Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv., Est- und Kurlands herausgegeben von der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Rußlands. Riga, 1893. B. 15. S. 207–211; Rauch G. von. Der Wiederaufbau der Stadt Dorpat nach dem Nordischen Krieg // Zeitschrift für Ostforschung. 1982.

города на примере Юрьева был рассмотрен И.И.Змигродским, который широко привлёк материалы местного архива<sup>20</sup>. В работе К.Купффер уделялось внимание взаимоотношениям городского совета и гильдий, противоречиям внутри городской общины Дерпта<sup>21</sup>. Немецкие исследователи, изучая положение остзейских сословий, касались и посещения *Екатериной Лифляндии и Эстляндии*. Особое внимание они обращали на вовлечение местных сословий к приготовлениям к встрече императрицы, на их активное участие в приветствиях коронованной особы<sup>22</sup>.

Исследование пребывания Екатерины в Лифляндии и Эстляндии предполагало ознакомление с особенностями рецепции идей Просвещения в остзейских провинциях, что являлось объектом научного интереса немецких исследователей. В работах Г.Яннау<sup>23</sup>, Х.Нойшеффера<sup>24</sup> ставится проблема императорского путешествия как импульса к реформированию аграрного вопроса.

Историки XIX в. заложили традицию рассматривать аграрную политику Екатерины по отношению к Остзейскому краю с точки зрения её наступления на привилегии сословий. Эта традиция была продолжена и в работах XX в. – в трудах латышского историка Н.Виксинша<sup>25</sup>, современного немецкого ученого Э.Доннерта<sup>26</sup>. С другой стороны, русские историки начала XX в. В.А. Григорьев, Ф.В.Тарановский и А.Ф.Флоровский подняли вопрос о фискальных интересах государства, лежащих в основе государственной политики облегчения жизни остзейских крестьян<sup>27</sup>.

---

№32. S. 481–517; Elias O.H. von. Städtische Autonomie und staatlicher Souveränitätsanspruch. Die baltischen Provinzen und Süddeutschland im Vergleich // Aufklärung in den Baltischen Provinzen Rußlands: Ideologie and soziale Wirklichkeit / Hrsg. O.H.Elias, I.Jürjo, S.Kivimäe, G. von Pistohlkors. Köln ; Weimar ; Wien, 1996. S. 1–26; Stegman H. Riga im Jahre 1764 // Baltische Hefte. 1974. Band. 20. S. 1–17, 44–51.

<sup>20</sup> Змигродский И.И. Город Юрьев Лифляндской губернии и высочайший манифест 14 декабря 1766 года. Юрьев, 1909. Отт. из: Сборник учено-литературного общества при Юрьевском университете. 1910. Т. 12. С. 129–187; Т. 13. С. 173–240; Т. 14. С. 82–190.

<sup>21</sup> Kupffer Ch. Geschichte als Gedächtnis: Friedrich Konrad Gadebusch (1719–1788). Köln, 2004.

<sup>22</sup> Wedel H. von. Die Estländische Ritterschaft vornemlich zwischen 1710 und 1783. Königsberg; Berlin, 1935; Wrangell W. baron, Krusenst'jern G. von. Die Estländische Ritterschaft, ihre Ritterschaftshauptmänner und Landräte. Lüneburg/Lahn, 1967; Mühlen H.von. Reval vom 16. bis zum 18. Jahrhundert: Gestalten and Generationen eines Ratsgeschlechts. Köln ; Wien, 1985. S. 285–292.

<sup>23</sup> Jannau H. Geschichte der Sklaverei und Character der Bauern in Lief.-und Estland. Ein Beitrag zur Verbesserung der Leibeigenschaft. Nebst der genauesten Berchreibung eine liefländischen Hakens. 1786. Riga, 1786.

<sup>24</sup> Neuschäffer H. Katharina II und die baltischen Provinzen. Hannover–Döhren, 1975. S. 385.

<sup>25</sup> Wihksninsch N. Die Aufklärung und die Agrarfrage in Livland. Riga, 1933. S. 236–237.

<sup>26</sup> Donnert E. Die Leibeigenschaft im Ostbalticum und die livländische Aufklärungsgeschichtsschreibung // Wissenschaftliche Zeitschrift der Friederich-Schiller-Universität. Jena. 1960/1961. 10 Jg. H. 4. S. 239–247.

<sup>27</sup> Григорьев В. Реформа местного управления при Екатерине II: Учреждения о губерниях 7 ноября 1775 г. СПб., 1910. С. 192; Тарановский Ф.В. Политическая доктрина в Наказе императрицы Екатерины II // Сборник статей по истории права, посвященный М.Ф. Владимирову-Буданову / Под ред. М.Н.Ясинского. Киев, 1904. С. 62; Флоровский А.В. Из истории Екатерининской законодательной комиссии 1767 г. Вопрос о крепостном праве. Одесса, 1910. С. VI.



Изучение различных проектов улучшения положения крестьян, прежде всего пастора И.Г.Эйзена и барона Шульца фон Ашерадена, позволило уяснить положение крестьян в крае и определить отношение власти к данному вопросу. Проблема сопряжения данных проектов с позицией императрицы по крестьянскому вопросу ставилась в работах, изучающих жизнедеятельность этих лиц<sup>28</sup>. Представляются значимыми выводы Х.Нойшеффера, полагающего, что Эйзен рассматривал свои проекты не только в контексте реформирования аграрного вопроса в остзейских провинциях, но и во всём российском государстве<sup>29</sup>.

Изучение имперской политики как религиозной представляет существенный интерес для выявления приоритетов верховной власти в этой области. Проблема религиозной политики в царствование Екатерины не являлось предметом специального монографического исследования как в отечественной, так и зарубежной историографии. Лишь в 90-е годы XX в. появились работы историков, исследующих отношение центральной власти к мусульманам Поволжья. Этим вопросам посвящены работы Ф.Г.Ислаева<sup>30</sup>, А.И.Ногманова<sup>31</sup>, в которых на основе законодательных источников по отношению к татарам Поволжья рассмотрена регламентация религиозной жизни на протяжении XVIII вв.

Значимым для нас оказалось изучение литературы, рассматривающей проблемы складывания многонациональной Российской империи, отношения центральной власти к народностям, населяющим Россию. В исследовании имперской истории России этапными явились труды А.Каппелера, освещающие различные аспекты социально-экономического положения народов Среднего Поволжья, в том числе и XVIII столетия<sup>32</sup>; рассматривающие эволюцию российской имперской политики на протяжении нескольких столетий<sup>33</sup>. Автор синтезировал результаты исследований, написанных в рамках различных национальных дискурсов. Для исследователя было

---

<sup>28</sup> Bartlett R. «Das Recht der Prediger in Liefland in ihrer Kronbesoldung»: Johann Georg Eisen und die Einkünfte der Pastoren in Livland im 18. Jahrhundert // Europa in der Frühen Neuzeit: Festschrift für Günter Mühlhpfordt. Band. 3. Aufbruch zur Moderne / Hrsg. E.Donnert. Köln; Wien, 1997. S. 429–445; Neuschäffer H. Carl Friedrich Frhr. von Schoultz-Ascheraden. Ein Beitrag zum Forschungsproblem der Agrarreformen im Ostseeraum des 18. Jahrhunderts // Journal of Baltic Studies. 1981. H.12. S. 318–332; Johann Georg Eisen (1717–1779). Ausgewählte Schriften: deutsche Volksaufklärung und Leibeigenschaft im Russischen Reich / Hrsg. von R.Bartlett und E.Donnert. Marburg, 1998. (Quellen zur Geschichte und Landeskunde Ostmitteleuropas, 2).

<sup>29</sup> Neuschäffer H. Der livländische Pastor und Kameralist Johann Georg Eisen von Schwarzenberg. Ein deutscher Vertreter der Aufklärung in Rußland zu Beginn der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts // Rußland und Deutschland / Hrsg. U.Lizskowski. Stuttgart, 1974. С. 120–143. (Kieler Historische Studien; Bd. 22).

<sup>30</sup> Ислаев Ф.Г. Ислам и православие в Поволжье XVIII столетия: от конфронтации к терпимости. Казань, 2001.

<sup>31</sup> Ногманов А. Татары Среднего Поволжья и Приуралья в Российском законодательстве второй половины XVI–XVIII вв. Казань, 2002.

<sup>32</sup> Kappeler A. Rußlands erste Nationalitäten. Das Zarenreich und die Völker der Mittleren Wolga vom 16. bis 19. Jahrhundert. Köln ; Wien, 1982. S. 356–357.

<sup>33</sup> Kappeler A. Rußland als Vielvölkerreich. Entstehung-Geschichte-Zerfall. München, 1993; Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М., 2000.

важно противопоставить и «русоцентристскому подходу» к проблеме многонациональной России, и проекциям «национальных историографий», формирующих свои новые национальные мифы, взгляд на Россию, позволяющий выявить полиэтничный характер империи.

В 90-е годы XX в. отечественными и зарубежными исследователями активно начинают разрабатываться инновационные проблемы имперской России. Это – имперские мифы, институты и идеи, взаимоотношения между центром и периферией и «множественность пространств, в которых проживало население империи», развитие имперского сознания в России<sup>34</sup>. Расширяется методологическая база исследований. На исследовательские поиски историков большое воздействие произвели работы Э.Саида<sup>35</sup>. Ориентализм в его концепции воспринимался как важное оружие в арсенале западного империализма, как интеллектуальное средство для обеспечения господства над Востоком. Одним из крупных исследований, чьё появление было вызвано методологическими новациями Саида, явилась книга Л.Вульфа, в которой он рассмотрел восприятие Западом образа Восточной Европы как отсталого и полуварварского пространства, ожидавшего воздействия цивилизации со стороны Запада. Анализируя свидетельства путешественников, дипломатов, в том, числе и иностранных послов, которые находились при Екатерине в её поездке в Крым, исследователь показывает, как создавался этот образ Восточной Европы<sup>36</sup>.

Анализ сотрудничества Екатерины II с местными элитами, локальными этническими общностями в Крыму, её законотворческой деятельности в этот период, предполагал изучение трудов по роли Г.А.Потемкина в освоении Новороссии и Крыма. Вклад Потемкина в освоении Новороссии и Крыма был положительно оценён А.А.Скальковским и Н.К.Шебальским уже в первой половине XIX в., выявивших его роль в развитии присоединённых территорий, и осветивших методы колонизационной политики наместника<sup>37</sup>. Роль Потемкина в колонизации Крыма была высоко оценена Е.И.Дружининой. В её монографии реконструировалась политическая ситуация, в которой проходило хозяйственное освоение бывшего Крымского

---

<sup>34</sup> Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов / Под ред. Б.Гаспарова, Е.Евтухова, А.Осповат, М. von Hagen. Москва, 1997.

<sup>34</sup> Imperial Russia: New Histories for the empire / Ed. J.Burbank, D.Ransel. Bloomington ; Indianapolis, 1998.

<sup>35</sup> Wolff L. Inventing Eastern Europe: the Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment. Stanford, 1996; Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003; Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917 / Eds. D.R.Brower, E.J.Lazzerini. Bloomington, 1997; Geraci R.P. Windows on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia. Uthaca ; London, 2001.

<sup>36</sup> Wolff L. Inventing Eastern Europe: the Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment. Stanford, 1996; Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.

<sup>37</sup> Скальковский А.А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1730–1823. Одесса, 1836; Шебальский Н.К. Потемкин и заселение Новороссийского края // Сборник антропологических статей о России и странах ей прилежащих. М., 1868. Кн.1. С. 7–56.

ханства; анализировалось отношение Потемкина к татарскому вопросу<sup>38</sup>. Дружинина изменила сложившиеся стереотипы о Потемкине как «авантюристе» и «деспоте»: в книге отражался позитивный взгляд на государственную деятельность наместника Новороссии и Крыма. Эта конструктивная традиция закрепилась и в современной отечественной (О.И.Елисеева) и зарубежной историографии (С.Себаг-Монтефиоре)<sup>39</sup>.

Изучение проблем, связанных с *колонистами – меннонитами*, обратило наше внимание на литературу о колонизации *Новороссийского края*. В трудах дореволюционных исследователей М.М.Шпилевского<sup>40</sup>, Г.Г.Писаревского рассматривались вопросы народонаселения в политике Екатерины; сюжеты, связанные с приглашением в Россию иностранных колонистов, в том числе и меннонитов<sup>41</sup>. В работе современного британского исследователя Р.Бартлетта прослеживается история колонизации в России от истоков до начала XIX в., даётся характеристика поселениям в Поволжье, на Кавказе, в Новороссии, и других регионах<sup>42</sup>. Политико-правовое положение в России немецких колонистов в Новороссии освещалось в монографии Д.Брандес<sup>43</sup>.

Политика Екатерины по отношению к *киргиз-кайсакам* рассматривалась в монографии Н.Г.Аполловой. В ней дан анализ широкому комплексу проблем, стоявших перед российским правительством на протяжении длительного периода, в том числе и второй половины XVIII в.<sup>44</sup> В исследовании М.Ходарковского освещаются изменения в концепции государственной политики второй половины XVIII в.<sup>45</sup>

Рассмотрение литературы по отношению власти к *еврейскому вопросу* обратило наше внимание на труды Д.Клиера<sup>46</sup>, М.Хильдермайера<sup>47</sup>, показавших либерализм политики Екатерины II в отношении евреев в контексте Российской истории. Д.Фельдман расширил источниковую основу исследований, опубликовав ряд источников, касающихся «Московского изгна-

<sup>38</sup> Дружинина Е.И. Северное Причерноморье 1775–1800. Москва, 1959.

<sup>39</sup> Sebag Montefiore S. Prince of princes: the life of Potemkin. L., 2000; Себаг-Монтефиоре С. Потемкин. М., 2003; Елисеева О.И. Геополитические проекты Г.А.Потемкина. М., 2000; Елисеева О.И. Григорий Потемкин. М., 2005.

<sup>40</sup> Шпилевский М.М. Политика народонаселения в царствование II. Одесса, 1871.

<sup>41</sup> Писаревский Г.Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. М., 1909.

<sup>42</sup> Bartlett R.P. Human capital. The settlement of foreigners in Russia. 1762–1804. Cambridge, 1979.

<sup>43</sup> Brandes D. Von den Zaren adoptiert. Die deutschen Kolonisten und die Balkansiedler in Neu-rußland and Bessarabien 1751–1914. München, 1993.

<sup>44</sup> Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII–начале XIX в. М., 1960.

<sup>45</sup> Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington ; Indianapolis, 2002.

<sup>46</sup> Клиер Д. Россия собирает своих евреев: происхождение еврейского вопроса в России: 1772–1825. СПб., 2001.

<sup>47</sup> Hildermeier M. Die jüdische Frage im Zarenreich: zum Problem der unterbliebenen Emanzipation // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1984. № 32. S. 321–343; Idem. Die rechtliche Lage der jüdischen Bevölkerung im Zarenreich und in Polen: einige vergleichende Aspekte // Juden in Ostmitteleuropa von der Emanzipation bis zum Ersten Weltkrieg / Hrsg. von G.Rhode. Marburg; Lahn, 1989. S. 181–196. (Historische und Landeskundliche Ostmitteleuropa-Studien; 3).

ния» евреев 1790 г.<sup>48</sup> Д.Фишман в своей монографии поставил вопрос о встрече Екатерины с еврейской делегацией в 1787 г.<sup>49</sup>

Таким образом, изучение литературы, анализирующей отношение власти к народностям, местным элитам, колонистам, позволяет выявить исторический контекст взаимодействия императрицы с имперским пространством, определить правительственные приоритеты.

При анализе взаимодействия верховной власти с представителями сословий российской империи учитывались подходы в исследовательской литературе относительно **сословной доктрины российской императрицы**. При рассмотрении *челобитных купцов*, представителей городских сословий изучались проблемы, *связанные с их социально-правовым статусом, их местом в городском самоуправлении*. Городское самоуправление анализировалось историками XIX в. исключительно сквозь призму законодательных источников. В монографии И.И.Дитятин утверждалась концепция магистратов как административно-государственных учреждений<sup>50</sup>. А.А.Кизеветтер показал, что магистрат являлся составляющей посадского управления, а также выявил влияние различных групп посадского населения в отпращивании общинного тягла на степень участия каждой из этих групп в деятельности мирского схода<sup>51</sup>. Ценность работы Кизеветтера заключалась в том, что он рассмотрел отступления от законодательно предписанных норм в практике функционирования городских институтов<sup>52</sup>.

Другим направлением работ явилось *изучение роли социально-политических запросов купечества в формировании экономической политики правительства*. Н.В.Козлова в работе «Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке» не только проанализировала основные требования купцов 60-х годов XVIII в., но и на основе широкого корпуса делопроизводственных документов раскрыла механизм выработки конкретных мероприятий правительства Екатерины по отношению к купечеству и торговле<sup>53</sup>.

При анализе проблем, связанных с *взаимодействием монарха и дворянства*, представляются важными выводы Е.Н.Марасиновой. На основе изучения эпистолярного наследия дворянства она акцентировала внимание на значимости образа монарха для господствующего сословия. Особый интерес представляет изучение автором статусных ценностей и их роли в жизни первого сословия, определение нормативных качеств служилого дворянина<sup>54</sup>. Путешествия Екатерины II выявили её озабоченность состоянием об-

<sup>48</sup> Фельдман Д. «Московское изгнание» евреев 1790 г. // Вестник Еврейского университета. 1996. № 1 (11). С. 170–195; Он же. Роль Г.А.Потемкина-Таврического в истории евреев в России // Россия в XVIII столетии. Вып. 1. / Отв. ред. Е.Е.Рычаловский. М., 2002. С. 109–129.

<sup>49</sup> Fishman D.E. Russia's First Modern Jews. The Jews of Shklov. N.Y.; L., 1996.

<sup>50</sup> Дитятин И.И. Устройство и управление городов России: в 2 т. СПб., 1875.

<sup>51</sup> Кизеветтер А.А. Посадская община в России XVIII столетия. М., 1903.

<sup>52</sup> Серeda Н.В. Реформа управления Екатерины Второй. М., 2004. С. 7.

<sup>53</sup> Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке: 20-е – начало 60-х годов. М., 1999.

<sup>54</sup> Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века. М., 1999. С. 67–70, 79–83.

разованности и культурного уровня дворянства. При освещении данной проблемы были учтены суждения И.В.Фаизовой о степени грамотности российского дворянства в 60-е годы XVIII века<sup>55</sup>.

Изучение правительственных попыток решения *крестьянского вопроса* было положено монографиями В.И.Семевского<sup>56</sup>. Ценность его трудов заключается в том, что он рассмотрел положение различных категорий крестьянства, ввёл в научный оборот огромный источниковый комплекс, определил подходы в изучении политики правительства по отношению к крестьянству. Начало изучения реакции правительства на челобитные крестьянства было положено именно этими работами.

Ряд положений Семевского относительно ухудшения законодательного положения крепостного крестьянства были критически пересмотрены современной британской исследовательницей И. де Мадарьягой. Анализируя законодательство 2-й половины XVIII в., статистические источники, она приходит к выводу, что первые ограничения по распространению крепостного права вширь были осуществлены именно в это время<sup>57</sup>.

Политика государства по отношению к крестьянству, в том числе и к казенному, была наиболее идеологизированной сферой исследований в советский период. «Установление сельского порядка в казенных Екатеринославского наместничества селениях», в котором были обоснованы принципы самоуправления казенной деревни, практически не являлось объектом исследования историков. Введение «Установления» оценивалось Н.М.Дружининым в плане государственной практики «попечительства»<sup>58</sup>. Отмечая классовый характер этого установления, Е.И.Дружинина всё же отмечала и его позитивную направленность: благодаря введению «сельского порядка» зажиточная часть казенного крестьянства получила возможность оказывать влияние на местную хозяйственную жизнь<sup>59</sup>.

Таким образом, литература по сословному вопросу даёт возможность уточнить отдельные аспекты сословной политики Екатерины II, выяснить дискуссионные проблемы и определить дальнейшие пути изучения взаимодействия императрицы с представителями сословий в ходе высочайших путешествий.

Большую значимость в понимании проблемы взаимодействия Екатерины с представителями церкви в ходе путешествий представляет **литература**, в которой поставлены исследовательские вопросы относительно её **отношения к церкви, духовенству**. Взгляды Екатерины на духовенство, на церковь, являлись объектом довольно активного изучения отечественных

<sup>55</sup> Фаизова И.В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999. С. 51–54.

<sup>56</sup> Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века: в 2 т. СПб., 1888; Он же. Крестьянский вопрос в царствование Екатерины II: в 2 т. СПб., 1903.

<sup>57</sup> Madariaga I. de. Catherine II and the serfs: a reconsideration of some problems // Politics and Culture in Eighteenth-Century Russia: Collected Essays by Isabel de Madariaga. L.: N.Y., 1998. P. 138.

<sup>58</sup> Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д.Киселева. М.; Л., 1946. С. 5–69.

<sup>59</sup> Дружинина Е.И. Северное Причерноморье 1775–1800. М., 1959. С. 172.

историков<sup>60</sup>. Большинство из них отмечает преемственность её политики с предшествовавшими правителями. В современной отечественной литературе отмечается также, что Екатерина расширила взгляд на социальную роль религии и духовенства, которые были призваны формировать просвещенных граждан, разъяснять верующим понятия о гражданских добродетелях, долженствующих быть наставниками общества<sup>61</sup>. При анализе взаимоотношений Екатерины с духовенством особое внимание уделялось изучению *персоналий – духовных лиц*<sup>62</sup>.

*Отдельный пласт литературы связан с проповедями.* Внятного обзора проповеднической традиции второй половины XVIII нами не было обнаружено. Как правило исследователи ограничивались анализом языка этого источника<sup>63</sup>. В последние годы возрос интерес к православной учительной литературе<sup>64</sup>. Проповедь всё чаще становится источником для рассмотрения различных проблем культурной истории, истории ментальностей в России. Анализ русской проповеди позволил В.М.Живову рассмотреть эволюцию языка, литературы, государственной и церковной идеологии XVIII в., политического сознания<sup>65</sup>. Важные методологические подходы к изучению данного вида источника были сделаны в работах Ю.В.Кагарлицкого, обратившего внимание на риторический инструментарий проповедника<sup>66</sup>.

---

<sup>60</sup> Беликов В. Отношение государственной власти к церкви и духовенству в царствование Екатерины II (1762–1796) // Чтения в обществе любителей духовного просвещения. 1874. № 1. С. 96–163; № 3. С. 467–507; № 6. С. 97–1016; № 8. С. 192–196; № 10. С. 446–487; 1875. № 2. С. 202–223; № 4. С. 350–371; № 6. С. 721–762; Знаменский П.В. Положение духовенства в царствование Екатерины II и Павла I. М., 1880; Он же. Чтения по истории Русской церкви за время царствования Екатерины II // ПС. 1875. № 1–3; Комиссаренко А.И. Хозяйство монастырских вотчин и секуляризационная реформа в России. 20-е–60-е гг. XVIII в.: историографический и источниковедческий анализ. М., 1985; Он же. Русский абсолютизм и духовенство в XVIII веке. М., 1990.

<sup>61</sup> Рязев А.С. Просвещенное духовенство при Екатерине II // ВИ. 2004. № 9. С. 45.

<sup>62</sup> Титлинов Б.В. Гавриил (Петров), митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский. Пг., 1916.

<sup>63</sup> Павлович М. Критико-библиографический очерк слов и речей Георгия Конисского // Христианское чтение. 1873. № 2. С. 393.

<sup>64</sup> Елеонская А.С. Русская ораторская проза в литературном процессе XVII века. М., 1990; Афанасьев Э.Л. Церковная проповедь Елизаветинского времени о Западе и России // Россия и Запад: горизонты взаимопонимания. Литературные источники XVIII века (1726–1762). Выпуск 2. М., 2003. С. 621–641; Буранок О.М. Ораторская проза Феофана Прокоповича и историко-литературный процесс в России первой трети XVIII века // Буранок О.М. Русская литература XVIII века. Петровская эпоха. Феофан Прокопович. М., 2005. С. 161–293.

<sup>65</sup> Живов В.М. Религиозная реформа и индивидуальное начало в русской литературе XVII века // Живов В.М. Размышления в области истории и предьстории русской культуры. М., 2002. С. 319–343; Он же. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996; Он же. Государственный миф в эпоху просвещения и его разрушение в России конца XVIII века // Из истории русской культуры. Т. IV (XVIII–начало XIX века). М., 2000. С. 657–680.

<sup>66</sup> Кагарлицкий Ю.В. Риторические стратегии в русской проповеди переходного периода. 1700–1775: дис. ... канд. филол. наук. М., 2000; Он же. Риторические стратегии в русской проповеди Елизаветинской эпохи: случай Гедеона Криновского // *Annali dell' Istituto Universitario Orientale di Napoli. Dipartimento di studi dell'Europa orientale Sezione Slavistica. Aion Slavistica.* 1997–1998. №

К данной группе исследований мы относим *литературу по ранним сочинениям И.Г.Гердера: речам и одам*, посвященных Екатерине II. В трудах Г.Гайма<sup>67</sup>, Р.Мюллера-Штенберга<sup>68</sup>, Л.Ю.Янкеловича<sup>69</sup> даётся характеристика как социальной среде, окружавшей молодого теолога, так и его культурных интересов в годы пребывания в Риге. Проблема оценки русской политики в работах Гердера была поставлена К.Биттнером<sup>70</sup>. Интерпретация текстов Гердера через призму его отношения к российским монархам – Петру Великому и Екатерине II была проведена М.Келлером<sup>71</sup>. В общем, исследователи сходятся во мнении, что восприятие Гердером российской власти в рижский период было позитивным.

Таким образом, проблема формирования имперской политики в контексте монархических путешествий как средства «освоения» имперского пространства, средство организации социально-политического пространства российского государства, устанавливающее систему коммуникации власти и подданных, не была поставлена ни в отечественной, ни в зарубежной исторической науке. Работы большей части исследователей, затрагивающих эту проблематику, не отдавали должного этому феномену, ограничиваясь изложением фактического материала, и, предпочитая рассмотрение законодательства, как основного источника для анализа политической доктрины Екатерины II.

§ 3. *Понятия.* В диссертации проводится анализ следующих ключевых понятий: «империя», «имперская политика», «веротерпимость», «иноверцы», «сословие», «легитимация». В этих понятиях отражается суть изменений в правительственной политике по отношению конфессиям, элитам, сословным группам. При этом обращено внимание на то, как трактовались данные понятия в политическом пространстве просвещенного абсолютизма.

Во второй главе «**Путешествия Екатерины II: общая характеристика**» реконструируется исторический контекст путешествий императрицы; выявляются их цели. Вначале поездки Екатерины II представлены в исторической перспективе, показываются их отличия от путешествий по стране

---

5. С. 287–317; Он же. Проповедь как источник по истории русской культуры XVIII в. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 2000. С. 243–258.

<sup>67</sup> Гайм Р. Гердер, его жизнь и сочинения: в 2 т. М., 1888; Haym R. Herder: 2 Bde. Berlin, 1954.

<sup>68</sup> Müller-Stenberg R. Herder in Riga // Ostdeutsche Wissenschaft. München, 1959. Bd. 5. S. 234–251.

<sup>69</sup> Янкелович Л.Ю. И.Г. Гердер в Прибалтике. Из истории балтийско-немецких культурных связей во второй половине XVIII века: дис. ... канд. ист. наук. Рига, 1971; Янкелович Л.Ю. Жизнь и деятельность великого немецкого гуманиста и демократа И.Г.Гердера в Риге // Ученые записки Латвийского государственного университета имени Петра Стучки (Германия и Прибалтика). Рига, 1972. Т. 159. С. 3–48.

<sup>70</sup> Bittner K. Die Beurteilung der russischen Politik im 18. Jahrhundert durch J.G.Herder // Geiste Herders. Ges. Aufsätze zum 150. Todestag J.G.Herders / Hrsg. v. E.Keyzer. Kitzingen, 1953. S. 30–72.

<sup>71</sup> Keller M. «Politische Seeträume»: Herder und Rußland // Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 18. Jahrhundert: Aufklärung. München, 1987. Reihe A, Bd. 2. S. 357–395.

Петра I, Елизаветы Петровны, а также просвещенных монархов Европы – Иосифа II, Фридриха Великого.

Цели первых поездок императрицы (**паломничества в Ростов и Троице-Сергиеву Лавру**) определялись необходимостью проявления своей православной идентичности и тем самым «наращивания» легитимности власти. Однако, последующие путешествия уже отражали в себе реалии расширяющейся полиэтнической империи и концепции западноевропейского Просвещения.

Начало царствования Екатерины II предполагало «вхождение» в дела государства, одним из аспектов которого явилось ознакомление с институциональными особенностями регионов, имеющих автономию. Возможность использования земельных ресурсов Лифляндии и Эстляндии определила интерес правительства как к политической, так и аграрной системе Остзейского края. Однако, решения правительства наталкивались на противодействие привилегированного остзейского дворянства, а следовательно приходили в противоречие с существующей там системой землевладения. С другой стороны, фискальные интересы государства требовали обратить большее внимание на регион, поступления налогов с которого стали значительно уменьшаться. Всё это явилось причиной для более внимательного ознакомления императрицы с **Лифляндией и Эстляндией** в 1764 г.

В первые годы царствования складывается внутривластная программа Екатерины, направленная на создание «законной монархии», основу которой должны были составить незыблемый принцип самодержавия и правильно организованный сословный строй. Большие надежды в реализации этой программы она возлагала на Уложенную комиссию, которая должна была выработать свод фундаментальных законов и увенчать тем самым процесс создания сословного строя в России. Накануне её созыва Екатерине предстояло познакомиться с империей, с сословиями, с теми народами, представители которых должны были собраться в Москве и выработать программу реформ. Именно эти причины предопределили её **путешествие по Волге** (1767).

70-е годы XVIII в. ознаменовались для России активной внешней политикой. Кючук-Кайнарджийский мир 10 июля 1774 г. закрепил победу России на Оттоманской Порте в Первой русско-турецкой войне. Подчеркнуть значение этих побед, связать их с именем самой императрицы, были призваны пышные торжества в **Москве** (1775 г).

Середина 70-х годов XVIII в. в России ознаменовала начало реформ Екатерины, являвших попытку утверждения в России правового государства. Новые установления, вводимые учреждениями о губерниях 1775 г., распространялись на присоединённые территории. В 70-е годы шла активная интеграция белорусских земель в институциональное пространство Российской империи. Путешествие Екатерины в **Белоруссию** 1780 г. было предпринято с целью определенной ревизии этого края. Власть хотела убедиться насколько успешно идёт включение этих земель в состав Российской империи. Императрица полагала, что её присутствие послужит кон-



тролем администрации, что оно принесёт пользу новым российским губерниям.

Кратковременное путешествие в **Вышний Волочек**, которое состоялось 24 мая – 19 июня 1785 г., являло собой целью обозреть Вышневолоцкий канал. Затем императрица выехала со своей свитой в Москву, где пребывала с 2 июня по 6 июня. Это путешествие представляет интерес, поскольку она имела возможность проехать по некоторым внутрироссийским губерниям – Новгородской, Тверской и других, и ознакомиться с нуждами ряда городов.

**Путешествие Екатерины в Крым в 1787 г.** определялось необходимостью продемонстрировать Турции и европейским державам, что Россия утвердилась в Северном Причерноморье и Крыму навсегда. Одной из причин этого вояжа явилось желание верховной власти убедиться в значимости результатов хозяйственного освоения, колонизации земель, присоединённых к России по Кючук-Кайнарджийскому миру и в итоге завоевания Крыма. Императрица хотела увериться и в благополучии малороссийского наместничества. После дарования в 1785 г. жалованных грамот дворянству и городам власти необходимо было убедиться, насколько успешно реализуются положения этой глобальной реформы.

Поездка в Южную Россию стала последней в череде екатерининских путешествий. В последующем десятилетии у российского правительства определяются другие приоритеты: наступит другая эпоха, заставившая власть размышлять над иными способами коммуникации с населением Российской империи.

В третьей главе **«Проблема остзейских привилегий и аграрный вопрос»** анализируются обстоятельства путешествия Екатерины II в Остзейский край в 1764 г., выявляется ряд аспектов политического взаимодействия центра и автономного края в начале 60-х годов XVIII в. В главе рассматривается проблема остзейских привилегий и отношение к ним верховной власти; вопрос об имперских приоритетах в аграрном сегменте экономики края.

*§ 1. Положение остзейских земель и проблема привилегий в начале царствования Екатерины II.* В диссертации показывается автономный статус остзейских земель (Лифляндии и Эстляндии) к началу царствования Екатерины II; выявляется изменение политических целей центрального правительства, обусловленных политикой «просвещенного абсолютизма», направленных на усиление «регулярности» в имперской политике, на установление более жёсткой вертикали власти.

Политика императрицы по отношению к остзейскому вопросу выработалась не сразу. Вместе с тем анализ действий власти уже в первые годы царствования позволяет выявить вектор имперской политики в 1760–1780-е годы. В работе анализируются первые акты Екатерины II, свидетельствующие о намерении ограничить привилегии остзейского рыцарства и усилить позиции центрального правительства в этом крае.

Стремление продемонстрировать «имперское начало» в этом крае побудило Екатерину осуществить путешествие в Остзейский край. Другой важной причиной отправиться в путь явилось желание ознакомиться с институциональной моделью остзейских земель, с особенностями их аграрного положения.

§ 2. *Екатерина и жители прибалтийских губерний в 1764 г.* Важным объектом внимания императрицы в ходе путешествия по краю явилось остзейское, по преимуществу, немецкое дворянство. В диссертации показывается высокий статус прибалтийских дворян по сравнению со шведскими временами, что выражалось в их объеме прав на крестьянина и его имущество. Радужный прием должен был уверить императрицу в преданности дворянства, благодарного за подтверждение его прав и привилегий. Отношение населения к приезду коронованной особы отразило важное обстоятельство: город принимал её как *свою императрицу*.

Верховную власть в это время беспокоило положение городского самоуправления, органы которого ((городской совет (магистрат)) имели широкие права в регулировании торговой жизни города. Они крайне ограничивали поселение в городе русских купцов и иностранных торговцев. Пребывая в остзейских городах, императрица приняла ряд решений, связанных с комплексом прав городских сословий на торговую и фискальную самостоятельность. В диссертации рассматриваются меры Екатерины II, направленные на изменение подобной компетенции городских сословий. В Риге и Ревеле она назначила Торговую комиссию, которая впоследствии ограничила наследственные права городских сословий самостоятельно регулировать торговое обращение, накладывать пошлины на крестьянскую торговлю, устанавливать акцизы и сборы. Монополия цехов основывать мануфактуры была ограничена. Власть приветствовала поселение русских и иностранных предпринимателей. В этих распоряжениях прослеживается имперская направленность и можно увидеть определённые зачатки будущей реформы.

Императрица имела возможность ознакомиться с отношением местных жителей к деятельности магистратов. Во время высочайшего шествия 18 июля 1764 г. через Дерпт казенный каменщик Г.Мельк выставил транспарант, на котором была изображена картина. Она свидетельствовала о негативном отношении горожанина к широким полномочиям городского совета. В работе отражена реакция власти на эту демонстрацию; рассмотрена деятельность комиссии, направленной на урегулирование ситуации в городской общине Дерпта.

Путешествие императрицы по прибалтийским губерниям отразило стремление власти включить Курляндию в орбиту Российского государства, тем самым, вектор государственной политики был ориентирован на расширение имперского пространства. Церемониал встречи Екатерины с Э.И.Бироном в Митаве означал признание герцогом Курляндии её как своего суверена.

Пребывание российской императрицы в остзейских землях определило лояльность и верноподданность как одно из необходимых условий политического взаимодействия края и метрополии, как один из факторов имперского единства. Проявленная остзейцами поддержка, признание Екатерины своей императрицей, способствовала легитимации российской государыни, и тем самым усилению её политического ресурса.

§3. *Аграрный вопрос в контексте императорского путешествия.* Среди проблем, интересовавших императрицу в прибалтийских губерниях, был аграрный вопрос, включавший и его крестьянский аспект. К началу царствования Екатерины усугубляется положение крестьянства Лифляндии и Эстляндии, что в целом было обусловлено системой землевладения, существующей в остзейских землях со времён шведского правления. Основная часть земель здесь была на основе феодального держания (ленная система), владельцам которых позволялось отдавать землю в аренду. Бедственное положение крестьянства, лишённого всякой собственности, бегство, участвовавшее особенно в последние годы царствования Елизаветы Петровны, снижало поступление государственных доходов из Лифляндии. Фискальные интересы государства требовали осуществить переоценку земель и крестьянских повинностей. Однако остзейские помещики не были заинтересованы в точном разграничении земель и в фиксировании повинностей крестьян.

Они даже выражали своё недовольство по поводу последней ревизии 1757 г. Основным лейтмотивом их жалоб было несогласие с деятельностью ревизион-комиссии, результаты которой привели к увеличению повинностей земства. Во время путешествия, сетования рыцарства по этому поводу дошли до Екатерины, вследствие чего она повелела генерал-губернатору Лифляндии и Эстляндии Ю.Ю.Броуну принять жалобы дворянства и вместе со своим мнением прислать их в Камер-контору лифляндских дел и лично ей.

В диссертации исследуется, как Екатерина стремилась уяснить для себя аграрную ситуацию в регионе, и в частности положение крестьян. Она посещает помещичьи экономии в Лифляндии и Эстляндии. Несмотря на запрещение подачи императрице прошений, крестьяне, очевидно, подавали ей жалобы. Основным же источником информации о положении крестьянства для императрицы являлись лютеранские пасторы. Наиболее важным для неё было общение с пастором И.Г.Эйзенем, который был известен своими проектами улучшения положения крестьян ещё при Петре III. В Торме, неподалеку от Дерпта, Екатерина поручила Эйзену составить проект, в котором бы обосновывалась необходимость письменного фиксирования крестьянских повинностей в Лифляндии.

Таким образом, путешествуя по остзейским провинциям, императрица имела возможность ознакомиться с комплексом аграрных проблем в регионе, о которых она начала задумываться ещё ранее. Пребывание в крае могло укрепить её в мысли относительно необходимости регулирования

взаимоотношений остзейских крестьян с помещиками и необходимости их точного определения в законодательстве.

§ 4. *Лифляндское рыцарство на ландтаге 1765 г.* Ознакомясь с положением крестьян в прибалтийских губерниях, Екатерина решила воздействовать на аграрную ситуацию в остзейских землях. Особая роль в проведении линии императрицы относительно крестьянского вопроса принадлежала лифляндскому губернатору Ю.Ю.Броуну, а также барону К.Ф.Шульцу фон Ашерадену – автору проекта крестьянских прав для своих крепостных. Его «законы» («законы для крестьян имений Айзкраукле и Римани») предполагали наличие определённых гражданских и личных прав для крестьян.

В диссертации показывается роль императрицы в организации ландтага, долженствующего урегулировать положение крестьян в Лифляндии. Ландтаг работал с 26 января по 15 марта 1765 г.

26 января 1765 г. генерал-губернатор Ю.Ю.Броун выступил перед дворянством с речью, в которой была определена конечная цель ландтага: сообщение о намерении императрицы освободить крестьян Лифляндии от крайностей притеснений помещиков. Генерал-губернатор представил ландтагу 11 «препозиций», которые тот должен был принять. Главным положением в его выступлении явилось рассмотрение третьей препозиции – бедственное положение (нищета) крестьянства. Броун предложил: 1) признать крестьянскую движимость полной собственностью; 2) разрешить свободную продажу продуктов крестьянского хозяйства; 3) привести повинности крестьян к определённой норме; 4) ограничить судебную компетенцию помещиков, т.е. ограничить произвол дворян в наказаниях; 5) признать право крестьян жаловаться на своих помещиков. Генерал-губернатор был поддержан бароном Шульцем фон Ашераден. На заседании 26 февраля 1765 г. тот выступил с речью, в которой предложил ввести «ашераденские» положения во всей Лифляндии.

Расстановка политических сил на ландтаге, прения и аргументация рыцарства в защиту своих прав и привилегий, анализируется на основе протоколов ландтага 1765 г. После бурных прений на заседании 10 марта 1765 г. выступил Броун, который заявил, что правительство само возьмётся за реформы, если рыцарство не примет определённого решения. Это явилось прямой угрозой существованию остзейских привилегий, что прекрасно понимали члены ландтага. В результате компромисса был опубликован патент 12 апреля 1765 г, в котором нашли своё отражение все пункты третьей «препозиции» Броуна. В диссертации анализируется содержание и значение принятия данного патента.

Среди практических мер, вызванных высочайшим пребыванием в крае, явилось рассмотрение жалоб рыцарства на ревизию 1757 г. Они были критически рассмотрены Сенатом, который в указе от 23 января 1769 г. объявил о продолжении сбора податей с публичных и частных мыз по ревизии 1757 г.

Поездка Екатерины явилась важным звеном в кристаллизации решения, вызвавшего созыв Лифляндского ландтага, и, принявшего впоследствии

беспрецедентный документ о наделении крестьян определёнными гражданскими правами. Крестьянский вопрос в Лифляндии и Эстляндии рассматривался властью в контексте насущных имперских задач как фискальных, сословных, так и интегративных.

Во второй половине XVIII в. права привилегированных сословий в крае входили в противоречие с политикой Екатерины II, в перспективе направленной на унификацию различных частей империи. Институциональная модель Остзейского края предполагала диалог во взаимоотношениях между имперской властью и подданными, что противоречило бюрократической доктрине просвещенного абсолютизма, которая утверждала жесткий автократический стиль правления верховной власти. Путешествие Екатерины II в Остзейский край определило эти имперские приоритеты: линию последовательной интеграции прибалтийских провинций в пространство Российской империи.

В четвертой главе **«Формирование политики этнокультурной терпимости»** рассматривается складывание в ходе путешествий Екатерины II политики конфессиональной толерантности.

*§ 1. Екатерина и раскольники Нижегородского края.* Во взглядах императрицы относительно религиозных конфессий отразилась идеология Просвещения. Однако, толерантность обуславливалась и утилитарными целями государства, прагматическими соображениями правителей. Сторонники раскола составляли значительную часть населения России, а, следовательно, могли, например, участвовать в колонизации Российской империи.

Важную роль в формировании политики по отношению к старообрядцам сыграло предпринятое Екатериной путешествие по Волге в 1767 г. Именно в ходе этой поездки определяется её позиция в отношении раскольников и представителей других конфессий, в которой проявляются элементы веротерпимости.

В диссертации реконструируется жалоба императрице старообрядцев Нижегородского края на местное православное духовенство; показывается реакция императрицы на данное прошение; анализируется её письмо к новгородскому митрополиту Д.Сеченову, где содержатся рекомендации по должному, более гибкому поведению пастырей.

Влияние пребывания Екатерины в Нижнем Новгороде прослеживается в её отношении к делу о раскольниках тверской Ямской слободы Московской губернии (июнь – август 1767 г.), которых притесняли местные священники. В диссертации анализируется данное дело, а также вердикт, утверждённый властью. Старообрядцы оградялись от настойчивости православного духовенства в исполнении православных обрядов: духовных лиц обязали подпиской, чтобы они к записавшимся в двойной оклад раскольникам в «домы» не ходили.

Путешествие Екатерины II по Волге имело определённое воздействие и на старообрядческое население Нижнего Новгорода. В работе рассматривается жалоба, поданная нижегородскими раскольниками села Городца в Синод, на священнослужителей Нижегородской епархии и её последствия.

В исследовании подвергается разбору дело, которое разворачивается по этому прошению, и решение Синода и императрицы.

Эта ситуация высвечивает слабую сторону законодательства о расколе 1760-х годов. С одной стороны, указы говорили о свободном исповедании своей веры, о беспрепятственной записи в раскол потаённым раскольникам. В то же время оставались неотменёнными прежние узаконения о свратительстве в раскол, о поимке раскольничьих учителей, уничтожении раскольничьих часовен, обязательном крещении детей старообрядцев в церкви и т.п. Епархиальные начальства не сразу привыкли к новому порядку и всё сбивались на старую систему. Не решаясь дать староверам свободу распространения своего учения, власть не осмеливалась и прямо отменить прежние указы. Поэтому правительство сделало невозможным применение старых законов, запретив духовной власти вмешиваться в раскольничьи дела без сношения с Сенатом.

При всей религиозной терпимости Екатерины следует признать, что православие как одна из краеугольных религий империи являлось для неё скрепляющим звеном государственности. Какие-либо «нестандартные» отступления от православия для неё были неприемлемы и наказывались так же строго, как и предшествующими правителями. Толерантность же, проявляемая российской императрицей в отношении старообрядцев, была ограниченной. Правительство могло сквозь пальцы смотреть на негласное отправление богослужения, но открытое, официальное исповедывание «раскола» запрещалось.

§ 2. *Императрица в диалоге с мусульманским населением г. Казани.* Большую роль в осознании Екатериной необходимости проведения политики толерантности сыграло то, что в Поволжье, в том, числе и Казани, она убедилась в этническом и конфессиональном многообразии империи, пришла к неутешительным выводам относительно эффективности и результатов религиозной политики, проводившейся предшествующими правителями, и утвердилась во мнении о необходимости её изменения.

В Казани это понимание проявилось во встречах российской императрицы с местным татарским населением. В диссертации рассматривается встреча представителей мусульманской конфессии (абызы) с Екатериной II 30 мая 1767 г., в ходе которой они обратилась к ней с просьбой разрешить построить каменные мечети. Императрица благосклонно приняла эту просьбу и дала личное разрешение на строительство двух каменных мечетей в Казани.

Ещё определением Сената и Синода 1744 г. разрешалось строительство двух мечетей в отдалении от жилищ русских и новокрещенных. Однако центральные и местные власти отказывали мусульманам в выдаче разрешения на строительство культовых сооружений. В этом отношении мусульмане Казани использовали пребывание императрицы в Казани для того, чтобы добиться желаемого.

Путешествуя по Волге, Екатерина имела возможность подумать о важности сохранения гражданского мира в империи. Этому способствовало

посещение ею развалин древней болгарской столицы – Булгара, где она обратила внимание на явления, существовавшие в казанской епархии в 1730–1740-е годы: использование могильных камней с татарских могил, остатков разрушенных мусульманских культовых сооружений при строительстве новых православных церквей. Ею были даны указания губернатору о прекращении подобных действий.

В Казани императрица убедилась в необходимости учитывать существующее этническое и культурное многообразие при выработке имперской идеологии и находить то общее, что должно было объединять народы в пределах единого государства. Полученные императрицей в ходе путешествия по Волге впечатления расширили изначально существовавшие у неё представления об империи. В этот период «многонародность» российской империи находила выражение в множественности этноконфессиональных групп, поэтому последующее её законотворчество, направленное на упрочение принципа (пусть и ограниченной) веротерпимости, выходило за рамки сферы религиозной жизни. На столетие вперед закладывался новый принцип имперской политики, ставящий политическую лояльность выше этнического и религиозного единообразия. «Поход в Казань» Екатерины II 1767 г. зафиксировал этот политический поворот.

В пятой главе **«Сотрудничество верховной власти с местными элитами»** показывается взаимодействие императрицы с представителями местных элит в ходе её императорских путешествий, что являлось одним из основных направлений реализации имперской политики.

§ 1. *Киргиз-кайсаки и башкиры.* Видение российской императрицей настоящих задач преобразования степного пространства и пути их реализации отразились в её встречах с киргиз-кайсаками Младшей Орды. Особенно насыщенным было общение с ними во время её пребывания в Казани в 1767 г. и в Киеве в 1787 г. В исследовании характеризуется положение Младшего Жуза в начале царствования Екатерины II и российские приоритеты по отношению к нему. Императрица, продолжая предшествующую политику в отношении киргиз-кайсаков, задумывается о других способах умиротворения казахского населения. Власть считала возможным их использовать в качестве сопровождения караванов, идущих из Средней Азии в Россию. В Казани Екатерине предстояла встреча с оренбургским губернатором А.А.Путятиным, с кем она и собиралась обсуждать эти вопросы.

Во время пребывания в Казани 29 мая 1767 г. Екатерина встретила сына киргиз-кайсацкого хана Младшей Орды Нурали – Аблаем султаном, которого привёз князь Путятин. Это свидетельствовало о продолжении использования российским правительством системы аманата. Данная встреча отразила отношение власти к проблемам имперской политики: сотрудничество с представителями локальных элит; проявление благосклонности к ним в форме подарков, денег. В целом, можно отметить, что приём ханского сына способствовал установлению более благожелательных отношений с киргиз-кайсацкой правящей элитой.

С Путятиным императрица обсудила вопросы насущные проблемы политики по отношению к киргиз-кайсакам и башкирам. Она дала ему поручение рассмотреть просьбу мешеряков о даче им для поселения земель из «бунтовщических башкирских земель» в вечное владение. В диссертации показывается, как этот вопрос разрабатывался оренбургским губернатором.

В 1780-е годы политика центра по отношению к Младшему Жузу получает новое развитие. Российское правительство упраздняет ханскую власть в Младшем жузе и пытается интегрировать Степь в институциональное пространство империи. Стремясь насадить политические институты на территории Младшего жуза, родственные по своей политической природе российским административным и судебным учреждениям, в Оренбурге власть создаёт Пограничный суд. В условиях реформирования административного управления Младшей Орды, возможно для большей весомости проводимых реформ, была организована депутация киргиз-кайсаков к Екатерине II.

Участие казахов и других народов степи в ритуалах встреч с российской императрицей имело важный политический смысл. Торжественность обрядов служили средством приобщения местной элиты к политической культуре Российского государства. Церемонии являлись частью образа великой державы, мощным идеологическим фактором. В основе их лежали идеи незыблемости, вековечности и богоданности монаршей власти, величия и мощи империи. 14 марта 1787 г. киргиз-кайсацкая депутация имела аудиенцию у императрицы, на которой они подали ей прошения.

21 апреля 1787 г. был подписан указ Екатерины, который отразил высочайшие решения на эти прошения. В диссертации анализируется содержание данного документа. Екатерина законодательно утверждает Пограничный суд, т.е. придаёт ему легитимность. Принимая положительное решение по вопросу о пленниках, власть оговаривает условия их возвращения.

Данный документ отразил новое веяние в имперской политике России. Правительство начинает рассматривать ислам как противоядие язычеству и лучшее средство кооптации инородцев в социальное и культурное пространство империи. В данном указе Екатерина повелела снабдить киргиз-кайсаков татарскими муллами из людей известных своим поведением и верноподданностью, которых она рекомендовала найти в Казанской губернии по рекомендации казанского генерал-губернатора.

Этот указ наметил вектор отношений казахского жуза и центральной власти, представил некоторые основания статуса казахского народа в составе Российской империи. Безусловно, он несет в себе определённый стратегический заряд. Характерной чертой этого документа являлось главенство имперского начала. Грамоты, присяги на верность, указы, патенты, подписанные верховной властью, были текстами с яркой идеологической направленностью. В них отчетливо звучат мотивы монаршего благоволения к «верному» народу и требования от них верноподданности.

Таким образом, личные встречи императрицы с представителями казахской элиты имели благотворное воздействие на формирование политики по отношению к населению Младшего жуза. Обсуждение проблем более эф-



фективного функционирования и администрирования Младшей Орды приводит к законодательному утверждению судебных учреждений. Импульс, заданный указом от 21 апреля 1787 г., находит своё развитие в последующем законодательстве. В целом рассмотренные законодательные акты были направлены на скрепление империи, на умиротворение местных казахских элит.

§ 2. *Крымские татары и колонисты.* В 1787 г. Екатерина II совершила путешествие в Крым, в ходе которого она имела возможность убедиться в больших успехах в деле освоения Новороссийского края. Среди тех, кто заботил её в плане имперского строительства, было татарское население Крыма. После присоединения полуострова к России (1783 г.) политика Г.А.Потемкина в управляемом им крае была направлена на умиротворение татарского населения. Стабилизации ситуации в области Таврической должна была служить интеграция Крыма в правовое и административное пространство империи. 29 января 1787 г. в Таврической губернии были открыты присутственные места. Для того чтобы проинформировать императрицу об устройстве присутственных мест, а также «пригласить» её в Крым, в Киев отправилась делегация от татар.

Пребывание в Крыму предполагало встречи коронованной особы с представителями татарской знати, что должно было способствовать большему взаимопониманию верховной власти с этой важной частью местного населения. Екатерина встречается с представителями дома Гиреев. Понимая насколько влиятельно в Крыму мусульманское духовенство, российская государыня занимает по отношению к ним патерналистскую позицию: она не раз приглашала представителей татарского духовенства, татарской аристократии к столу; делала пожертвования на мечети и медресе.

Несмотря на разумную политику Потемкина часть татар обратилась к Екатерине с просьбами разрешить выселиться с полуострова. По дороге в Кафу (Феодосию) ей было подано более 100 прошений. Императрица поручила Потемкину разобраться с этими бумагами. В исследовании анализируется, какие последствия имели эти прошения.

Присоединение новых территорий, колонизация Новороссии поставило перед правительством задачи освоения этих земель. Путешествие императрицы в Новороссию и Крым высвечивают сюжеты взаимодействия верховной власти с *колонистами*, что позволяет рассмотреть процесс принятия решений относительно их расселения и жизнедеятельности на полуострове. Встречаясь с представителями меннонитской общины 2 мая 1787 г. в Кременчуге, императрица санкционировала их приезд в Россию и, по сути, ускорила ответы наместника на «просительные статьи» меннонитов. 7 сентября 1787 г. был издан именной указ императрицы, которым санкционировались льготы и привилегии, предложенные меннонитам Потемкиным.

§ 3. *Евреи.* Императорские путешествия высвечивают толерантную политику Екатерины по отношению к еврейскому народу.

Законодательство 1780-х годов принесло еврейским общинам защиту и статус. Поэтому в 1780 г., когда Екатерина посетила Могилёв и Шклов, ев-

рейское население отразило своё отношение к либеральной политике императрицы. Кагал проявил большое усердие в организации иллюминаций и фейерверков. Участие евреев в церемониалах встречи Екатерины, показывало, что они являются в определённой степени равноправными подданными Российской империи, как и всё остальное население.

Во время южного путешествия Екатерины в 1787 г. Г.А.Потемкин позволил купцу Д.Цейтлину организовать делегацию десяти евреев Шклова, которые обратились к императрице с просьбой запретить именовать их «жидами», а применять «более возвышенное библейское слово» – евреи<sup>72</sup>. Для евреев, видимо, это высочайшее разрешение стало бы важным шагом в повышении их общественного статуса. Екатерина будто бы благожелательно отнеслась к их просьбе. В исследовании проводится реконструкция этого факта, анализируется его историческая достоверность.

Таким образом, путешествие Екатерины в Южную Россию обозначило линию верховной власти на сотрудничество с местными элитами, чему немало способствовало их участие в церемониалах двора в Киеве, Новороссии и Крыму. Церемониалы встреч рассматривались элитами как свидетельство прочности их положения в социальной структуре империи. С другой стороны, императрица имела возможность зримо увидеть недостаток населения и убедиться в необходимости мер в его увеличении. Власть ещё раз убедилась в том, что государственная целесообразность, цели хозяйственного освоения снимают вопрос об этническом происхождении, а, следовательно, и конфессиональной принадлежности населения.

Шестая глава **«Екатерина и сословия: опыт политического взаимодействия»** посвящена рассмотрению взаимодействия Екатерины с представителями сословий. В главе рассматривается как ознакомление императрицы с их проблемами, нуждами расширило её представление о способах и путях сословной модернизации общества.

§ 1. *Екатерина и городские сословия. Купечество.* Императрица встречалась с представителями той части населения, которая развивала экономическую промышленную инфраструктуру страны. Совершая поездки по стране, она собирала информацию о состоянии городов, развитии предпринимательства.

Высочайшие путешествия отразили процесс *либерализации экономической деятельности*, что выразилось и в эволюции промышленно-экономической политики. 18 апреля 1767 г. во время пребывания Екатерины в Москве вышел именной указ Мануфактур-коллегии, неофициально разрешающий деятельность различных промышленных предприятий, а также индивидуальную трудовую деятельность, носящую промышленный характер.

---

<sup>72</sup> В действительности власть именует их евреями уже в манифесте 1772 г., в котором провозглашалась аннексия белорусских провинций Польши, и где говорилось о евреях как о группе, на которую распространяются милосердие и щедрость императрицы. См.: ПСЗ. Т. 19. № 13850. 16 августа 1772 г. С. 553–559.

Большой проблемой для русских купцов – были *небольшие капиталы*. Во время пребывания в Нижнем Новгороде (1767) императрица учредила первую в России акционерную торговую кампанию. Кампанейский торг, дававший многократное умножение капиталов, рассматривался и правительственными, и купеческими кругами, как наилучшее средство активизации торговой деятельности купечества и укрепления его позиций на внешних рынках.

Проблемы развития торгов и ремесел в другом срезе проявятся во время пребывания Екатерины в Белоруссии (1780). Находясь в этих недавно присоединённых российских землях, императрица имела возможность увидеть неразвитость экономической городской инфраструктуры, убедиться в упадке предпринимательства, торговли и разорении части городского населения. В исследовании показывается, какие рекомендации по улучшению торгово-промышленной ситуации в городах даются Екатериной местной администрации, какие конкретные действия предпринимаются для улучшения положения городов.

Во время путешествия по Белоруссии императрице были поданы челобитные купечества Опочки и Пскова, требующие запрещения торговой деятельности крестьян. Екатерина понимала, что проблема *права торговли* является актуальной, особенно для тех, кто не имеет возможности иначе добыть достаточных средств к существованию и к уплате податей. Её позиция в этом вопросе реконструируется и на основе анализа дела о сокольих помытчиках, которые просили императрицу предоставить им право торговли.

Путешествуя по стране, Екатерина столкнулась с *проблемой городского самоуправления*. В исследовании показывается какие меры предпринимаются ею для устранения конфликта в среде ярославского купечества и как эта ситуация повлияла на развитие законодательства (1767).

Таким образом, путешествия Екатерины II проявили сложный комплекс проблем, стоящих перед правительством во второй половине XVIII в. Эти поездки привели к углублённому пониманию властью различных аспектов промышленно-торговой политики, социальных вопросов бытия купечества и городских сословий.

§ 2. *Екатерина и дворянство*. Исследование взаимодействия венценосной особы с дворянством в ходе высочайших путешествий позволяет выявить приоритеты её политики в отношении господствующего сословия страны. Церемониал высочайших путешествий по стране свидетельствовал о значимости дворянства для верховной власти. Встречи дворянства с Екатериной вызывали чувство единения: она *консолидировала вокруг себя первенствующее сословие*. В рассматриваемых источниках отражается традиционно сложившаяся социально-психологическая связь монарха и дворянства, которая регулировалась чувством преклонения перед авторитетом монархии.

Екатерина использовала церемониальные возможности поездок, показывавшие попечение монарха о своих подданных. Однако, не всё было благостным в её общении с дворянами. В Казани (1767), например, она уз-

нала о вражде между губернатором и частью дворянского общества. В диссертации реконструируется история конфликта, показываются методы, которые императрица применила в деле погашения конфликта.

Одна из проблем, которая волновала дворянство, – *межевание земель*. Во время проезда через Псковскую губернию в Белоруссию, Полоцк и Могилев (1780) императрице подавались прошения о межевании. В исследовании анализируется реакция власти на просьбы дворянства (указ от 17 ноября 1780 г.).

70-е годы XVIII в. ознаменовались включением в российское дворянство большого числа западного шляхетства. Императрица должна была обратить внимание на белорусское дворянство, процесс интеграции которого в состав сословия российских дворян был довольно болезненным. Власть пользовалась желанием местной шляхты получить российские чины, поскольку одним из средств интеграции края являлось участие дворян в местном управлении, в работе государственных учреждений. Пребывая в Белоруссии, Екатерина пожаловала дворянских служащих, находившихся на выборных должностях, чинами тех степеней, какие они «по выбору» занимали.

В деле модернизации государства особая роль принадлежала первому сословию. Поэтому Екатерину заботила *проблема образования и обучения детей дворянства*. Чтобы составить представление об уровне обучения, по её повелению должностные лица посещают учебные заведения. Императрица приветствует инициативу дворянства в вопросах образования. *Повышение культурного уровня дворянства* являлось важнейшей задачей культурной политики Екатерины II. Для неё «цивилизованное поведение» включало и повышение общей культуры, и умение соответственно вести себя в обществе. В частности, театральные представления в гимназии она рассматривала как одно из средств цивилизовать дворянское население. Во время высочайших обедов говорилось не только о делах, но велись беседы о культуре. В некоторых городах, в которых пребывала императрица, дворянским обществом давались спектакли. Таким образом, дворянство выбирало модель поведения культурного просвещенного сословия.

Императрицу заботили мысли и о *дворянском благополучии*. В ходе поездок Екатерины по стране дворяне обращаются к ней со своими семейными проблемами, и она не оставляет их без внимания.

На первый взгляд, взаимодействие российской императрицы с дворянством носило церемониальный характер. Между тем политическая практика императорских путешествий определяла для власти приоритетные задачи в дальнейшем развитии дворянского сословия. Они были связаны как с улучшением экономического, материального положения господствующего сословия, так и с повышением его политической и общей культуры.

§ 3. *Екатерина и крестьянство*. Одним из значимых моментов путешествий Екатерины является то, что селяне использовали возможность её пребывания в том или ином пункте Российской империи для подачи своих прошений. Екатерина продолжила традицию своих предшественников –

запрещения их подачи государю. Однако, в ходе путешествий ей всё же вручались прошения от различных категорий крестьян. *Лично свободные крестьяне (1767)* жаловались на отобрание у них земли в ходе межевания. Очевидно, что был составлен особый реестр этих уездов.

В *челобитных крепостных крестьян* нашли отражение их экономические жалобы. Наибольшим количеством прошений выделяется путешествие Екатерины по Волге. В *челобитных крестьян* братьев Олсуфьевых, братьев Лопухиных, помещика Леонтьева отражались жалобы на непомерные повинности, жестокость хозяев. Екатерина повелела Сенату придумать «средства», чтобы решить эту проблему. В диссертации рассматривается прохождение этих челобитных в Сенате и показывается влияние этих документов на издание именных указов, в частности указ от 22 августа 1767 г.

Отдельный блок челобитных представляют прошения *дворовых людей*, основным пунктом жалоб которых было унижение достоинства личности. В исследовании анализируется восприятие властью дел, заведённых по челобитным дворовых Г.Н.Теплова, кн. Мещерского. Несмотря на суровое решение по этим делам, Екатерина осознает несправедливость положения *дворовых людей*. Это отразится в реализации указа относительно дела дворовых кн. Мещерского.

В исследовании анализируется восприятие властью прошений *государственных крестьян*, дела которых иногда осложнялись неожиданными поворотами. В работе рассматривается дело ясажного крестьянина Уржумского уезда И.Вершинина, который неоднократно подавал императрице челобитные в Казани и Москве.

Рассматривая поездки Екатерины как импульс к дальнейшей законотворческой деятельности, можно увидеть, что ею уделялось большое внимание различным категориям *государственных крестьян*. Так, пребывание императрицы в Крыму способствовало изданию указа от 3 августа 1787 г., в котором поселянам ведомства Домоводства (экономическим поселянам), в особенности малоземельным, объявлялось, что они могут переселиться на плодородные земли Екатеринославского наместничества и Области Таврической.

Специфика этих земель (отсутствие крепостного права) позволила Екатерине реализовать здесь некоторые из своих замыслов организации вольного крестьянства, отражённые в «Установлении сельского порядка в казенных Екатеринославского наместничества селениях, Директору Домоводства подведомственных». Данная обстоятельная инструкция предусматривала значительный уровень крестьянского самоуправления на территории Екатеринославского наместничества. Сравнительный анализ «Установления» с проектом Екатерины II об устройстве сельских обывателей, долженствующего стать её третьей жалованной грамотой, позволяет сделать вывод о частичной реализации этой грамоты в «Установлении».

Политика Екатерины по отношению к различным категориям крестьянства была дифференцированной. При разрешении вопросов, касающихся взаимоотношений дворянства и крепостного крестьянства, императрица

предпочитала следовать существующему законодательству. Отношение же власти к государственным и вольным крестьянам обуславливалось направлением преобразований, определившимся в 70–80-е годы, когда вектор реформирования был направлен на институционализацию «свободных» сословий: дворянства, городских состояний и государственных крестьян.

§ 4. Концепция «общего блага» в «освоении» имперского пространства. Путешествия Екатерины II по стране способствовали внедрению в сознание населения концепции «общественного блага». В работе анализируется понятие «общее благо» и его восприятие Екатериной II. В ходе высочайших путешествий императрица внедряла в сознание подданных общезначимые ценности, составляющие понимание «общего блага», общественно-благополучия. Какие общественные ценности, определяющие концепт «общего блага», утверждались ею в практике путешествий, помимо общественного спокойствия? *Значимым фактором, консолидирующим общество, являлось внушение Екатериной II уважения к тем государственным институтам, которые она создала.* Эта проблема была особенно актуальной в недавно включённых в состав Российской империи землях.

*Екатерина II упрочивала уважение к государственной службе и к тем, кто служит.* Императрица осознавала, что общество цементируют те, кто отдал свою жизнь служению государству, «общему благу». Важно было отдать дань уважения этим людям, тем самым показать, что внимание власти направлено на человека, являющегося образцом служения монархии.

Проблема модернизации общества была тесно связана с повышением культурного, интеллектуального уровня как самого населения, так и непосредственных проводников её политики. Адепты реформаторских устремлений императрицы должны были проявлять интерес к истории государства, которое они преобразовывали; нести новую идеологию, «скрепляющую» Российскую империю. В этом отношении Екатерина являет собой пример. *Императрица проявляет внимание к истории народов, входящих в состав Российской империи, и пытается вызвать этот интерес у подданных.* В диссертации это рассматривается на примере её интереса к историческому прошлому города Казани, а также к истории болгар. В целом, нахождение позитивных фактов в глубине веков, осмысление положительного опыта народов, проживающих в империи, проводило преемственность настоящего с прошлым. Верховная власть тем самым обосновывала российскую имперскую идеологию второй половины XVIII в. В этот период этническая гетерогенность державы не просто осознаётся, но изучается и становится предметом гордости великороссов.

Важным аспектом концепции «общего блага» является *общественное воспитание.* В работе реконструируется история возникновения манифеста о дуэлях, в котором и реализовалась функция общественного воспитания; анализируется его содержание. Создавался и редактировался он в Киеве в 1787 г. Воздействие на общество проводилось и в *переводе иностранного романа*, имеющего мощную воспитательную направленность. На примере отношения Екатерины к переводу романа Мармонтеля «Велизарий» в ра-

боте показывается, с какими идеями просвещенного абсолютизма, отражёнными в данном сочинении, она желала ознакомить население Российской империи.

Все эти политические ценности могли объединять неоднородное имперское пространство и способствовать гражданскому миру в государстве.

В седьмой главе «**Церемониал путешествий венценосной особы**» анализируется коммуникативное пространство церемониала императорских путешествий, изучаются поведенческие стратегии дворянства и духовенства, определившиеся в ходе подготовки приезда императрицы и её встречи; рассматривается, как образ монарха конституировался в мире чувств и эмоций населения, какими чертами наделяло его дворянское общество.

§ 1. *Дворянское общество и ритуал встречи российской государыни.* В работе реконструируется подготовка дворянства к встрече императрицы на уровне губернии и уезда, показываются усилия бюрократии в организации торжеств в связи с приездом Екатерины II. Подготовка к приезду государыни, церемониал её встреч отразили статусные ценности дворянства, а также обозначили верноподданическую роль первого сословия и его стремление поддержать эту роль как модель поведения.

Общность чувств, испытываемая населением в шествии российской императрицы, конституировала образ монарха, который наделялся публичным авторитетом. В ходе ритуала происходил процесс «узнавания» своей монархини, осознания адекватности её образа представлениям населения, что находило своё отражение как в мире чувств и эмоций населения, так и в текстах, сопровождающих ритуал. Ритуал, представляющий харизматический образ монархини, и позволяющий ей проявить попечение, заботу о населении, вызывал у дворянства возникновение чувств доверия, веры, преданности императрице. Дворянство публично заявляло о своей лояльности и преданности, что способствовало легитимации самодержавной власти, и тем самым усилению её политического ресурса.

§ 2. *Екатерина и духовенство в срезе церемониала императорского путешествия.* В практике высочайших шествий Екатерина использовала символические ресурсы культурного пространства: религиозные, моральные и другие для того, чтобы утвердить образ российской императрицы. Поездки императрицы представляют существенный интерес в плане изучения использования ею факторов религиозной и культурной идентичности как одно из средств политической легитимации.

В церемониале путешествий Екатерина постоянно стремилась поддерживать *образ православной императрицы*, что отражается в аккуратном исполнении ею религиозных обрядов, в том внимании, которое она уделяла духовенству. Ритуал коронованной особы свидетельствует о том, что она бывает в значимых для православной церкви и паствы местах. Другим важным аспектом восприятия населением Екатерины как истинно благочестивой императрицы являлись её пожертвования, дары русской православной церкви.

Подготовка духовенства к встрече высочайшей особы позволяет определить приоритеты церкви во взаимоотношениях с верховной властью. Малороссийское духовенство (1787 г.) понимало, что культовые сооружения должны отвечать российским образцам. Ритуал приготовлений духовных лиц к встрече с императрицей был нацелен на то, чтобы показать – своим образом жизни и деятельности оно соответствует концепции власти относительно положения данного сословия в государстве.

§ 3. *Приветственные речи духовных лиц в шествиях императрицы Екатерины II.* Исследователи отмечают, что понятие «легитимность» характеризует и способность власти обеспечивать своё институциональное господство посредством эффективного использования «верований в моральные символы, священные эмблемы и юридические формулы», веры в «символы господства»<sup>73</sup>. Путешествия Екатерины II реализуют эту функцию власти, и особая роль в конструировании этого пространства легитимации принадлежит русской православной церкви. Церковь способствовала политической поддержке российской монархии, что отражалось в речах духовных лиц, в одической поэзии, кантах учащих и учителей российских семинарий. **Сакрализация** образа монарха, установление **преемственности** власти Екатерины II с предшествующими правителями, акцент на её **православной идентичности**, утверждение образа «**матери отечества**» – основные аспекты легитимации монарха в данных текстах духовных лиц.

Для реконструкции восприятия образа императрицы образованной частью остзейского общества, в том числе и духовных лиц, рассматривались ранние сочинения молодого теолога И.Г.Гердера. Его ранние сочинения позволили выявить не только наличие тех составляющих образа императрицы, характерных и для проповедей православных духовных лиц, но и показать, как развивалась концепция патриотизма жителя остзейского края, связывающаяся с поддержкой просвещенных реформ Екатерины II.

Хвалебные слова православного духовенства, приветственные речи дворянства являли собой определенного рода идеологические «матрицы», которые действовали на сознание населения в правильном направлении. Именно эти тексты формировали представление об императрице у населения как благочестивой монархини, руководствующейся в своих действиях только целями «общего блага».

**В заключении** подводятся основные итоги работы.

Результаты проведённого исследования позволяют определить направление дальнейших изысканий подобного плана. В перспективе предполагается возможным изучить другие факторы формирования имперской политики России 2-й половины XVIII в. Среди них важным является рассмотрение вопросов взаимодействия центральной власти и губернаторов или генерал-губернаторов. Представляется значимым выявление совместных правительственных усилий – Екатерины II, Сената, камер-конторы лифляндских дел в решении насущных проблем имперской политики. Изучение протоколов заседаний Сената, других учреждений, в обсуждении дел которых участвовала

<sup>73</sup> Миллс Ч. Социологическое воображение. М., 1998. С. 48–49.



и императрица, позволит выявить сложности становления правительственной политики в отношении организации имперского пространства.

Основные положения и выводы диссертации изложены в следующих публикациях автора:

### **Монографии:**

1. Ибнеева Г.В. Путешествия Екатерины II: опыт «освоения» имперского пространства / Г.В.Ибнеева. – Казань: Казанский гос. ун-т им. В.И.Ульянова-Ленина, 2006. – 254 с.

### **Публикации в периодических научных изданиях, рекомендуемых ВАК:**

2. Ибнеева Г.В. Аби-патша / Г.В.Ибнеева // Родина. – 2000. – № 10. – С. 39–42.

3. Ибнеева Г.В. Бабушка вниз по матушке [реке] / Г.В.Ибнеева // Родина. – 2005. – № 7. – С. 39–42.

4. Ибнеева Г.В. Лифляндский Ландтаг 1765 г. / Г.В.Ибнеева // Известия Самарского центра Российской Академии наук. Специальный выпуск «Философия и история». – Самара, 2006. – С. 61–71.

5. Ибнеева Г.В. Екатерина Великая глазами молодого человека (Павел Болотов и его Настольный календарь 1787 г.) / Г.В.Ибнеева // Человек. – 2006. – № 9. – С. 127–139.

6. Ибнеева Г.В. Екатерина II и городские сословия: опыт политического взаимодействия / Г.В.Ибнеева // Известия Уральского государственного университета. – 2006. – № 41. Сер. 2. Гуманитарные науки. – Вып. 11. – С. 176–193.

7. Ибнеева Г.В. Екатерина и православное малороссийское духовенство в 1787 г. // Славяноведение. 2007. № 1. 0,9 п.л. В печати.

### **Статьи:**

8. Ибнеева Г.В. Путешествие Екатерины по Волге в 1767 г.: узнавание империи / Г.В.Ибнеева // Ab Imperio. – 2000. – № 2. – С. 87–105.

9. Ибнеева Г.В. Российский абсолютизм: историографический аспект / Г.В.Ибнеева // Историческая наука в Казанском университете. – Казань, 2000. – С. 74–76.

10. Ибнеева Г.В. Остзейский вопрос в начале царствования Екатерины II / Г.В.Ибнеева // Проблемы национальной идентификации, культурные и политические связи России со странами Балтийского региона в XVIII–XX веках. – Самара: Парус, 2001. С. 12–23.

11. Ибнеева Г.В. Путешествие Екатерины II по Волге в 1767 г. / Г.В.Ибнеева // Философский век: Европейская идентичность и российская мен-

ментальность: альманах 16. – СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей, 2001. – С. 85–102.

12. Ибнеева Г.В. Путешествия Екатерины II: к проблеме концепции «общественного блага» / Г.В.Ибнеева // В кругу учеников, коллег, друзей. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. – С. 163–179.

13. Ибнеева Г.В. Путешествия Екатерины II: к проблеме идентичности / Г.В.Ибнеева // Проблемы идентичности: человек и общество на пороге третьего тысячелетия: материалы конференции института Кеннана в Новгороде 4–6 июля 2002. – М., 2003. – С. 153–161.

14. Ибнеева Г.В. Путешествия Екатерины II: общество и ритуал / Г.В.Ибнеева // Междисциплинарные подходы к исследованию прошлого. – Москва: Аспект пресс, 2003. – С. 103–121.

15. Ибнеева Г.В. Екатерина II и Остзейский край в 1764 г. / Г.В.Ибнеева // Уроки Вульфсона. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. – С. 221–235.

16. Ибнеева Г.В. Путешествия Екатерины: концепция «общего блага» в освоении имперского пространства / Г.В.Ибнеева // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2004. – С. 89–111.

17. Ибнеева Г.В. Речи духовных лиц на приезд императрицы Екатерины Второй / Г.В.Ибнеева // Православный собеседник. – 2004. № 3 (8). – С. 149–162.

18. Ibneyeva G. The Journey of Catherine II to the Baltic lands in 1764 / G.Ibneyeva // Russia Takes shape: Patterns of Integration from the Middle Ages to the Present. – Helsinki: Finnich academy of science, 2004. – P. 15–34.

19. Ибнеева Г.В. Путешествие Екатерины II в Остзейский край в 1764 г. / Г.В.Ибнеева // Россия и Балтия: Остзейские губернии и Северо-Западный край в политике реформ Российской империи. 2-я половина XVIII в.–XX в. – М.: ИВИ РАН, 2004. – С. 43–61.

20. Ibneeva G. Katharina II. und die Gesellschaft in den Ostseeprovinzen im Jahre 1764 / G.Ibneeva // Narva und die Ostseeregion / Hrsg. K.Brueggemann. – Narva, 2004. – S. 193–202.

21. Ибнеева Г.В. Екатерина II и старообрядческое наследие Нижегородского края: опыт политического взаимодействия / Г.В.Ибнеева // Православный собеседник. – 2005. – № 1 (9). – С. 72–98.

22. Ibneeva G. Catherine II discovers the Volga region / G.Ibneeva // ICSEES VII World Congress «Europe – Our Common Home?»: Abstracts. – Berlin: Weltcongress, 2005. – S. 172–173.

23. Ибнеева Г.В. Екатерина II и раскольники в 1767 г. / Г.В.Ибнеева // История и историки в Казанском университете. – Казань: Казанский гос. ун-т им. В.И.Ульянова-Ленина, 2005. – С. 262–268.

24. Ибнеева Г.В. Сакрализация образа монарха в ритуале российских императоров / Г.В.Ибнеева // Многообразие религиозного опыта и проблемы сакрализации и десакрализации власти в христианском и мусульманском мире. Научные доклады. Ч. 2. Под ред. А.В.Гладышева и В.Б.Устьянцева. – Саратов: Научная книга, 2005. – С. 247–259.

25. Ибнеева Г.В. Пребывание Екатерины II в Риге в ранних сочинениях И.Г.Гердера / Г.В.Ибнеева // Православный собеседник. – 2006. – Вып. 1 (11). – С. 105–115.

26. Ибнеева Г.В. Екатерина II и православное духовенство в путешествии по Волге 1767 г. Материалы Всероссийской конференции, посвященной 450-летию Казанской епархии РПЦ / Г.В.Ибнеева // Православие в конфессиональном обществе. – Казань: Магариф, 2006. – С. 101–109.

27. Ибнеева Г.В. Образ Екатерины II в ранних сочинениях И.Г.Гердера / Г.В.Ибнеева // Россия и Балтия / Ин-т всеобщей истории РАН. Вып. 4. Человек в истории / Отв. ред. А.О.Чубарьян. – М.: Наука, 2006. – С. 7–15.

Отпечатано в множительном центре  
Института истории АН РТ

Подписано в печать 30.01.2007. Формат 60×84 <sup>1</sup>/<sub>16</sub>  
Тираж 100 экз. Усл. печ. л. 2,75  
г. Казань, Кремль, подъезд 5  
Тел. 292-95-68, 292-84-82